
А. В. ЖДАНКО

**КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ
ИСТОРИОСОФИЯ,
ИЛИ НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ ИСТОРИИ**

**Часть I. НАУЧНЫЙ ПОДХОД К ТЕОРИИ
ИСТОРИИ И КИБЕРНЕТИКА**

Предварительные замечания

В начале стоит сделать несколько замечаний, разъясняющих основную задачу работы, состоящую в разработке научной теории истории как конечного, даже если все еще недостижимого, идеала. Во-первых, возникает вопрос о том, что такое научная теория исторического процесса и чем она отличается от философии истории. Этот вопрос отражается уже в двойственном названии работы. Полвека назад автор поставил перед собой указанную выше задачу, хотя тогда не видел еще различия между философским и научным подходами к ее решению. Исходным пунктом, естественно, послужила философия истории в виде исторического материализма. Хотя эта историософия, по сравнению со всеми другими, наиболее приближается к научному идеалу, тем не менее она еще далека от него. Дело в том, что основополагающие принципы марксистской философии и вытекающие из них важнейшие концепции истмата были предложены классиками марксизма (главным образом К. Марксом), исходя из уровня наук, достигнутых в XIX в., и поэтому спустя столетие эта философия и соответствующая историософия перестали удовлетворять научным тре-

бованиям. Применение концепций кибернетики как особой междисциплинарной науки и методологии (и отчасти также других междисциплинарных подходов) дало возможность если не решить задачу создания строго научной теории исторического процесса, то хотя бы продолжить движение в этом направлении далее того пункта, на котором остановился исторический материализм. А для этого необходимо преодолеть важнейшие недостатки последнего. Кибернетика, как показано далее (в Части II), позволяет существенно развить и преобразовать истмат, подтянув его до современного уровня научных знаний. Однако при этом преобразовании, неизбежно затрагивающем и марксистский материализм, возникает новая теория истории философского характера, которую в известном смысле можно назвать историческим неоматериализмом, так как она неразрывно связана с неизбежной, по мнению автора, трансформацией материализма в более современную форму неоматериализма. Но и неоистмат еще не строго научная теория, так как вообще философия и наука существенно различаются как формы познания (см. ниже разделы I «Введение» и особенно 3 «Историософия или научная теория истории», а также примечания 23, 26, 31). В результате полувековых исследований автор пришел к выводу, что, по крайней мере, пока невозможно построить действительно научную теорию истории. Зато можно подойти к разработке философии истории (каков бы ни был уровень обобщений: см. следующий пункт) с позиций максимального использования научных понятий и концепций, открывая тем самым в конечном итоге (хотя, вероятно, лишь в весьма отдаленной перспективе) дорогу к разработке действительно научной теории истории, основанной на использовании формальных (математических и логических) языков и методов.

Во-вторых, важно отметить, что статья посвящена только высшему уровню теоретических обобщений истории. Этот уровень по степени абстрактности аналогичен историческому материализму (если включать в него только общие принципы теории производительных сил, базиса и надстройки, без более конкретных идей смены формаций).

При таком подходе предметом исследования является теория «истории вообще», или, что то же самое, теория истории «общества вообще»¹. Речь идет о подходе к философии истории на самом широком, наиболее абстрактном уровне теоретических обобщений. Такая историософия отвлекается от конкретной истории любого временного и пространственного масштаба и поэтому носит всеобщий, универсальный и в этом смысле космический характер², в отличие от теорий менее общего (более конкретного) уровня, среди которых наиболее известны формационные, цивилизационные и миросистемные концепции исторического процесса, относящиеся к истории лишь такого общества, которое возникло и развивалось на нашей планете в соответствующих конкретных пространственных и временных рамках. Концепции этого рода составляют более низкий, средний уровень теоретизации истории по критерию степени широты обобщений. Что касается исторических интерпретаций в историографии, то они по тому же критерию образуют низший уровень теоретических обобщений в исторической науке³. Следует заметить, что абстрактная теория истории не может заменить более конкретные исторические обобщения среднего и низшего уровней. Такая теория должна находиться с последними в отношениях комплементарности (взаимной дополнительности). Ее роль состоит в предложении фундаментальных принципов, позволяющих обосновать (с помощью соответствующих методологий, вытекающих как следствие из этих принципов) менее общие теории среднего уровня, а через их посредство – и исторических интерпретаций наиболее конкретного характера.

В-третьих, основная особенность предлагаемой теории исторического процесса заключается в том, что она исходит из идей кибернетики. Этот подход открывает путь к максимальному использованию понятий фундаментальных наук и тем самым придает этой теории предельно научный характер⁴. Но при этом кибернетический метод разработки теории истории означает также необходимость трансценденции, то есть выхода за пределы теории истории в более широкое метатеоретическое пространство. Иначе говоря,

кибернетика (в разработанной автором эволюционной форме: *см. Часть II*) выступает метатеорией промежуточного, более низкого, чем философия, уровня по отношению к теории общества в целом и его истории, в частности. Следовательно, самую общую теорию истории нельзя разработать, ограничиваясь рамками только истории общества. Таков один важный вывод. Это значит также, что такой подход является, по-видимому, единственно возможным путем к разработке научной теории исторического процесса. Это другой кардинальный вывод. Но из этих рассуждений можно сделать еще один вывод. Очень важный для материалистического подхода к истории. Суть этого, очень важного методологического вывода состоит в том, что нельзя прямо прилагать принципы материалистической философии к теории общества и истории, так как между ними стоит уровень кибернетики как метатеории, непосредственно приложимой к общественным наукам, тогда как материализм должен сначала применяться к идеям кибернетики (и, более того, согласовываться с ними, принимая новую форму неоматериализма, как показано далее).

В-четвертых, учитывая последнее замечание, а также возвращаясь к первому пункту и в известной мере углубляя его аргументацию с учетом второго и третьего пунктов, можно сказать, что предлагаемая философия истории аналогична историческому материализму не только по степени абстракции, но и по фундаментальным принципам подхода к теории истории как неотделимой части единой, притом с философской точки зрения материалистической, теории статики (структур и функций) и динамики (исторической эволюции) общества в целом. Более того, исходя из принципов кибернетики, новая теория в известном смысле развивает исторический материализм, хотя использование этих принципов ведет к существенному преобразованию марксистского материализма в неоматериализм и исторического материализма в исторический неоматериализм. Неоматериализм отличается тем, что рассматривает идеальное лишь как особую форму материального. В области истории это приводит к выводу о ведущей роли идеального

(т. е. о приоритетном значении сознания, познания, знания) как в функционировании, так и историческом развитии общества, хотя в наиболее глубоком философском смысле сохраняется принцип первичности материи (взятой в ее физической и химической форме) и вторичности сознания (идеального фактора вообще). Вывод о приоритете идеального в обществе и его истории, с одной стороны, является нетривиальным, поскольку он основан на принципах философии неоматериализма как высшей метатеории по отношению к теории истории, а с другой – он находится в полном согласии с известными эмпирическими данными исторической науки, полученными в ходе исследований развития (прогресса, или эволюции) всех аспектов истории общества, независимо от времени (эпохи) и места (региона)⁵.

1. Введение

Историческая дисциплина до сих пор не превратилась в полноценную науку из-за того, что у нее отсутствует научно обоснованная общая теория истории, без которой невозможно разработать ее теоретический корпус (как единую систему идей), столь же необходимый каждой научной дисциплине, как и корпус фактологический (или эмпирический). Историки создали второй, в основном за последние два века, но у них нет первого в указанном смысле единой системы: теоретические идеи, используемые ими для интерпретации исторических явлений и событий, представляют собой эклектическую смесь, а не единую теоретическую систему, какой должен быть корпус теорий зрелой науки. Привести все теоретические идеи в систему нельзя без самой общей теории истории, на основе которой только и можно дедуктивным путем вывести и тем самым логически обосновать все другие уровни исторических обобщений (каузального, а не фактологического характера: об этом ниже). Эту роль не могут сыграть теории среднего уровня, такие как формационные или цивилизационные концепции, ибо они имеют недостаточно общий характер, чтобы наиболее глубоко аргументировать все формы исторических обобщений. Такую задачу способна взять на себя

только максимально обобщенная теория истории, которую, однако, как отмечено выше, невозможно разработать в рамках только исторической дисциплины, не выходя за пределы истории, ибо всякое обобщение требует рассматривать явления и законы, в том числе общественные, значит, и исторические, как частный случай более широких явлений или законов, которые, следовательно, по определению, должны быть надобщественными и, в этом смысле, надисторическими (в смысле: стоять выше законов истории общества)⁶.

Быть может, именно поэтому попытки создать теорию истории в большинстве случаев предпринимали не историки, а философы, которые опирались на общефилософские (по своей природе меж- или наддисциплинарные) принципы онтологического и гносеологического характера, играющие роль метатеории по отношению к теории истории. В предложенных ими теориях, будь они в форме широчайших обобщений высшего уровня, объясняющих суть исторического процесса, или же менее высокого, более конкретного уровня, представленного главным образом теориями формаций и цивилизаций и миросистемным (в частности, мирэкономическим) подходом, неизбежно вводятся общие предположения (во втором случае нередко в имплицитной форме), понятия и концепции, касающиеся сущности общества и смысла его эволюции. Но философские теории истории имеют два связанных друг с другом недостатка. Во-первых, они исходят из высшей метатеории, представляющей собой самые общие, наиболее абстрактные философские положения, пригодные для всех областей познания, в том числе и для наук о косной, а не только о живой и социальной материи. Поэтому такие общефилософские принципы нуждаются в истолковании при применении их к конкретным наукам, в том числе и особенно к общественным, в частности к истории. Как показывает кибернетика, в отношении общественных дисциплин, включая историю, необходим промежуточный – между этими дисциплинами и философией – метатеоретический уровень, который позволил бы дать более конкретную интерпретацию

философским принципам, позволяющую приложить их к исследованию специфического предмета этой группы наук. Во-вторых, вследствие разрыва между масштабами обобщений философии и научных дисциплин, философия часто неспособна учесть новейшие достижения наук и объяснить возможность использования понятий и концепций одних наук для развития других. Этим объясняется если не полная оторванность общефилософских идей (за исключением философии науки) от наук, возникших в новое время, то слишком слабая опора на них при попытках прямого применения философских положений к истории и другим гуманитарным дисциплинам. Типичным примером может служить исторический материализм, основанный на непосредственном перенесении общих принципов материалистической философии в философию истории. Ниже (в обеих частях работы) мы постараемся показать ошибочность такого применения общефилософских принципов в истории, которая, несмотря на свое философское название и происхождение, должна лишь в конечном счете – но не непосредственно в рассуждениях об обществе и его истории – основываться на общефилософских понятиях.

Разработать теорию исторического процесса можно лишь при условии научно обоснованного выделения фундаментальных факторов исторического процесса и выяснения необходимых причинно-следственных связей между ними. А это возможно лишь при учете достижений современных наук, что в свою очередь требует привлечения междисциплинарных подходов, таких как кибернетика и другие теории систем. В сущности, все эти подходы, или методы, как отмечено выше, возникли именно ради того, чтобы преодолеть перегородки между науками, появившиеся вследствие их специализации, и обосновать межнаучный обмен концепциями, позволяющий перенести понятия и идеи в первую очередь из более фундаментальных наук (физических, химических, технических дисциплин) в биологию и особенно в наименее зрелые области знания, какими являются науки об обществе⁷. По нашему мнению, основной вклад в преобразование исторической дисциплины в науку вносит кибернетика, так как только она позволяет

поставить разработку теории истории на рельсы аргументации, ведущей к созданию действительно научной теории истории (историологии). Вероятно, в наше время можно положить лишь начало строго научному подходу к общей теории истории, инициировав новые (после Маркса) шаги на пути к этой амбициозной цели, достижение которой является необходимым условием окончательного превращения истории в подлинно научную дисциплину⁸.

В данной работе, как указано выше, предлагаются основы наиболее общей теории истории (т. е. учения о законах истории общества вообще: о смысле выделения этого уровня теоретической истории см. ниже) на базе принципов кибернетики, рассматриваемой в качестве исходного метатеоретического фундамента такого, самого абстрактного подхода к теории исторического процесса, без которого нет возможности устранить указанный выше главный недостаток исторической науки, заключающийся в отсутствии у нее завершенного теоретического фундамента, или корпуса, в виде научно обоснованной теоретической системы. Таким образом, предлагаемая в работе кибернетическая историософия рассматривается как первый шаг к дальнейшей (после марксизма) разработке научной, а не чисто философской теории истории общества. В Части I исследуются предпосылки создания научной теории истории, которые заключаются, с одной стороны, в аккумуляции идей в течение длительного развития историософии приблизительно за последние 2-3 века, начиная с эпохи Просвещения, а с другой стороны, в прогрессе современных наук и появлении на этой основе концепций кибернетики, открывшей в качестве метатеории новые перспективы перед теоретическим изучением общества, рассматриваемого в его статике и динамике. Часть II посвящена описанию этой метатеории и анализу вытекающих из нее выводов для теории общества в целом и для его истории в частности и в особенности.

2. Развитие историософии как историческо-теоретическая предпосылка разработки научной теории истории

История сформировалась в современную научную дис-

циплину, по крайней мере, уже во времена Л. Ранке, и, следовательно, ее путь как науки насчитывает не менее полтора столетия, не считая периода становления (с эпохи Возрождения), когда она постепенно превращалась в научное исследование, и тем более предшествующих двух тысячелетий историографии (начиная с Геродота) как преднаучной стадии историографии. Тем не менее формирование исторической науки все еще не завершено вследствие отсутствия у нее одного из двух главных признаков науки – теоретического корпуса, который невозможен без общей теории и необходим научной дисциплине не меньше, чем корпус фактов¹⁰. Этот недостаток исторической дисциплины до сих пор стремилась восполнить главным образом философия истории, которая в секулярной форме появилась впервые лишь в эпоху Просвещения, получив особенное развитие во Франции и Германии¹¹. Но тенденции развития философии истории в этих двух странах оказались существенно разными: если во Франции в этот период преобладала скорее материалистическая тенденция, то в Германии доминировала склонность к идеализму. Тем не менее обе эти ветви философии истории нового времени, хотя и с разных сторон, подготовили возникновение научной теории, первым шагом к которой стала марксистская теория исторического материализма.

Французские просветители (непосредственно Вольтер, Монтескье, Тюрго, Кондильяк, Кондорсе, а отчасти также Ламетри, Гельвеций, Дидро, Гольбах и др.) пытались поставить теорию общества и истории на строго рационалистическую почву, которой могла служить в конечном итоге только философия материализма. Материалистическая тенденция в этой области выразилась у них в первую очередь в отказе от предположения, что история определяется действием мистических (т. е. превратно истолкованных религий, идеальных по своему характеру) факторов, оторванных от реального мира земных (материальных) явлений. Но это были лишь зародыши научного подхода к теории истории, так как они не сумели распространить общие принципы материалистической философии на проблемы общества

и истории. Это проявилось не в том, что они, несмотря на стремление учесть также материальные факторы природного и социального характера (географическую среду, экономику и даже, как Тюрго, технику и т. п.), тем не менее первостепенное значение в жизни общества придавали идеальным силам (знаниям), а в том, что они не нашли пути к материалистическому истолкованию этих сил, хотя совершенно правильно обратили внимание на решающее значение аккумуляции и совершенствования знаний в истории общества. Марксисты неаутентично истолковали эти взгляды на роль идей в общественной жизни и истории как идеализм в этой сфере познания. Такое неадекватное суждение (и поэтому необоснованное осуждение) объясняется тем, что марксизм тоже не нашел верной онтологической интерпретации идеальных явлений как особой формы материи (и ее движения)¹². Идеализм материалистов эпохи Просвещения в области общественных наук является таковым только в буквальном (как признание ведущей роли идей), но не в философском смысле слова, поскольку они в принципе не признавали возможности существования (как особой субстанции) идей вне материи, т. е. независимо от нее, до нее и без неразрывной связи с ней. Неспособность систематически увязать представление о доминирующем значении и – лишь в этом (не общефилософском, а более конкретном) смысле – приоритете идей в обществе с принципами материализма, признающего первичность материального и вторичность идеального в более широком плане (не только гносеологическом, но и онтологическом) и масштабе, охватывающем весь мир, включая косную материю, была не виной, а бедой всех материалистов, порожденной недостаточным развитием наук, не дававших возможности до появления кибернетики найти такое объяснение сущности идеального, которое бы позволило представить знания (практические и теоретические) как определенную форму материи и ее движения, показать их связь с другими ее формами, с материей вообще (с ее закономерностями, а в первую очередь с борьбой против энтропии), а в частности, с общественной материей (т. е. с телесным фактором, или

социальным телом, особенной формой материи: об этом ниже), важнейшая, небиологическая, «искусственная» часть которой в виде техники (или техносферы, понимаемой в самом широком смысле слова) выступает как реализация, материализация (осуществление, овеществление, опредмечивание) знаний, или информации¹³.

Иная, идеалистическая тенденция в области историософии в эпоху Просвещения возникла в Германии, получив развитие в немецкой классической философии – от Канта, Фихте, Шеллинга, Гердера¹⁴ до Гегеля включительно, особенно в работах последнего, представляющих собой высшую точку развития объективного идеализма (который можно рассматривать как секуляризованную религию) и его приложения к объяснению истории. Как известно, основатели марксизма считали Гегеля, наряду с Фейербахом, предшественником разработанного ими (так называемого «диалектического») материализма, а основанный на его философии подход к обществу и истории – важным источником исторического материализма. (Энгельс, в частности, восхищался гегелевской общей схемой исторического прогресса.) Что касается плодотворности идеалистической историософии в целом, то, будучи по своему духу антинаучной, она в итоге зашла в тупик и явилась причиной того, что историософы второй половины XIX века (особенно немецкие: Дильтей, неокантианцы Виндельбанд и Риккерт, Зиммель и др.) и первой половины XX века (в том числе неогегельянцы Кроче и Коллингвуд) пришли к отрицанию существования законов истории, а современные западные историософы в конце концов даже отказались от онтологического подхода к истории общества¹⁵. Но если говорить не только о роли немецкого идеализма и, в частности, гегельянства в возникновении марксистской философии истории (это особая и притом очень сложная тема), а в целом о положительном вкладе идеалистической историософии в подготовку научной теории истории, то главная ее заслуга состоит не столько в отдельных полезных замечаниях относительно особенностей предмета и методологии познания общественных наук, в том числе историографии, сколько в

анализе роли идеального фактора как решающей силы, определяющей исторический процесс. В дальнейшем (в *Части II*) показано, что кибернетика позволяет предложить научное понимание идеального как информации, представляющей собой не только модель мира (это чисто гносеологический аспект), но и команды, регулирующие борьбу любой управляемой системы, в том числе общества, против энтропии (это уже онтологическая характеристика идеального). Такой подход оправдывает выдвинутый идеалистической философией принцип первичности идей (знаний), но с рядом существенных оговорок и поправок, важнейшей из которых, кроме материалистического истолкования идеального фактора, является условие, что этот принцип применяется не к косной материи (и поэтому не ко всему миру), а только к обществу, или, точнее и шире, ко всем типам управляемых систем, как этого требует кибернетика (*об этом подробнее в Части II*). С этой точки зрения значение идеалистической философией истории определяется тем, что она – вместе с историософией Просвещения, для которой типично посюстороннее, материалистическое по своему духу толкование сущности идей, их происхождения и роли в жизни общества – внесла важный вклад в подготовку научной теории истории.

Линия научного подхода материалистов-просветителей к разработке теории истории была непосредственно продолжена, с одной стороны, немарксистскими учениями: в философском аспекте прежде всего позитивизмом и в более конкретном плане развитием теорий факторов, носящих не мистический, а реальный характер (географических, демографических, биологических, психологических и т. д.), а с другой – историческим материализмом. Позитивизм в лице О. Конта поставил задачу перенести методы наук о природе, в первую очередь физики (но также химии, геологии, биологии и т. п.), в социологию, понимаемую как науку об обществе в целом. Но динамическо-эволюционный аспект теории общества не разработан Контом сколько-нибудь подробно, будучи представлен только в трех случаях: в формулировке уже тогда широко принятых со времен

А. Фергюссона взглядов на производственно-экономические стадии развития общества от охоты до земледелия; в развитии предложенной Сен-Симоном теории о двух этапах истории общества – военном и промышленном; и, наконец, в разработке заимствованной у Тюрго и Сен-Симона идеи трех стадий интеллектуального развития как индивидуума, так и общества в целом вследствие совершенствования мышления, т. е. форм познания: теологической, т. е. религиозной; метафизической, или философской; и позитивной, иными словами, научной. Эта идея трех стадий была одновременно конкретизацией более широкой, типично просветительской концепции о решающей роли роста познания в общественном прогрессе, которая сформулирована О. Контом в предельно четкой форме: «...Идеи управляют и переворачивают мир, или, другими словами, ... весь социальный механизм действительно основывается на убеждениях»¹⁶. В своей классификации наук О. Конт проявил глубокую интуицию, понимая под социологией единую теорию общества, которую он разделял на социальные статику и динамику, имеющую своим предметом законы общественного развития. Его интуиция выразилась также в том, что он объединял социологию с биологией в одну общую, более широкую область наук «об органических телах» (выступив в этом плане предшественником кибернетики)¹⁷. Неудача О. Конта, который не случайно называл социологию «социальной физикой», и подобных попыток позднейших социологов и мыслителей прямо приложить методы и законы физики и других наук о природе (как в виде косной, так и живой материи) к сфере изучения общества объяснялась в первую очередь недостаточным уровнем развития науки того времени (хотя возникшая в конце XIX века в результате этих попыток социология, в том числе социологическая макротеория, в итоге существенно опередила с точки зрения своей научности и в эмпирическом, и в теоретическом плане не только историографию, но и историсофию¹⁸). Это относится даже к физике и астрономии (которая тогда еще не включала астрофизики и космологии, существенно важных для понимания не только непосред-

ственных предпосылок биоэволюции, но и движущих сил естественной истории косной материи как этапа универсальной эволюции предшествующего биоэволюции), и химии (в частности, даже органическая химия еще только начинала складываться с середины XIX в., не говоря о биохимии, появившейся век спустя), к биологии (которая в эпоху зарождения позитивизма в работах Конта и первых произведениях Спенсера не знала не только генетики, несмотря на опыты Менделя, забытые вплоть до начала следующего века, но даже дарвинизма, так как первые основы позитивизма были сформулированы до публикации работ Дарвина; отсутствовали или были мало развиты и другие отрасли биологии, в том числе палеонтология, без которой биологическая эволюция и, вместе с ней, теория общества и истории не имели достаточной научной опоры), лингвистике, экономической теории (появившейся как развитая система понятий сначала только в работах А. Смита и Д. Рикардо, исходящих, как и марксистская политэкономия, из трудовой теории стоимости, основанной скорее на идеологических, чем строго научных соображениях¹⁹), а также и ко многим иным, в том числе техническим дисциплинам, в которых еще очень слабо были разработаны (кроме проблем, связанных с термодинамикой) или даже отсутствовали разделы, касающиеся теории машин (и тем более автоматических систем, теория которых возникла лишь в 1930-х годах, сыграв особенно важную роль в формировании идей кибернетики).

Вследствие неприменимости идей физики (и химии) непосредственно к познанию законов общества, другой основатель позитивизма, Г. Спенсер, попытался использовать в этих целях преимущественно закономерности живой природы, более близкой к обществу, применив их для объяснения социальных явлений, рассматриваемых не только в статике, но и в динамике, т. е. в процессе их эволюции. На основе научных достижений своего времени, в частности, эмбриологии и геологии (которая в сочетании с палеонтологией отражает историю жизни на Земле), а также идей додарвиновских теорий биологической эволюции (в частно-

сти, ламаркизма) и, позже, дарвинизма, он предложил теорию всеобщей эволюции (или универсального эволюционизма). Эта теория явилась первым **метатеоретическим** подходом к истории общества, которая впервые была теоретически представлена в научной форме как особый этап более широкой эволюции всей Вселенной и, в частности, как прямое продолжение эволюции биологического мира (предшественником Спенсера в этом универсальном подходе можно считать только Гердера). Но и опыт Спенсера также закончился неудачей в силу невозможности в его эпоху научно обосновать единство биологических и социальных явлений и, на этой основе, идею универсальной эволюции, а тем самым теоретически обосновать место истории общества в этой эволюции. Спенсер, как и Конт, правильно почувствовал родственность общественных и биологических феноменов. Именно поэтому он нащупал также прямую связь эволюции органического мира с историческим процессом в обществе. Но уровень развития наук, в том числе технических, и в этом случае оказался недостаточным для адекватного определения смысла родственности органических и общественных систем и поэтому самой сути глубокой связи между биоэволюцией и социоэволюцией²⁰. Существенной причиной неудачи позитивизма явилось отсутствие у него достаточно общей и эксплицитно выраженной материалистической философии (тем более это касается неопозитивизма, или логического позитивизма XX в.). Несмотря на склонность и к идеалистическим представлениям о познании, позитивизм в своих теориях науки в неявной форме опирался на материалистические представления о мире, так как он признавал, что мир существует объективно, т. е. независимо от наших мыслей, т. е. от познания, и подчиняется определенным законам. Это признание, при котором подчеркивалось значение науки (что существенно отличало позитивизм от объективного идеализма), распространялось также на общественную жизнь и историю (эту линию можно проследить от Конта и Спенсера до Гемпеля). Вот почему мы рассматриваем позитивистское учение об обществе и истории, а особенно идеи Конта

и Спенсера, наряду с марксистской теорией истории, как одно из таких направлений в дальнейшем развитии историсофии идей Просвещения, которые выступают предшественниками истинно научного подхода к теории истории, несмотря на то, что позитивисты далеко не всегда и не во всем были последовательны, как правило, скрывая свой материализм под иными именами (такими как реализм, физикализм, объективизм и т. п., представляющими собой «стыдливый материализм», если пользоваться известным выражением Ленина)²¹. Но эта имплицитная тенденция в сторону материализма не могла заменить открыто выраженную и последовательную материалистическую философию, отсутствие которой неизбежно приводило к неудаче позитивистского подхода к объяснению истории общества.

То же самое можно сказать и о теориях реальных (преимущественно материальных) факторов, которые разрабатывались уже просветителями XVIII в. и затем их продолжателями в XIX и XX вв. Они тоже не имели под собой адекватной материалистической философской основы. Мы имеем в виду, например, теории преимущественно внесоциальных или же, в лучшем случае, социально-биологических факторов, таких как географический, разработанный сторонниками географического детерминизма со всеми его вариациями, делающими упор или на климате, или на роли рек, плодородии почвы и т. п., или на соотношении суши и моря, или на той или иной комбинации этих природных факторов, которым приписывается решающая роль в развитии общества (первые идеи этого рода возникли еще в античности, а в новое время были развиты Монтескье, Тюрго и отчасти Руссо и Гердером, позже географами Э. Реклю, Л. И. Мечниковым, Ф. Ратцелем, с определенными оговорками Л. Н. Гумилевым и очень многими др.); демографический (начиная, по крайней мере, с Мальтуса, если не гораздо раньше); биологический (который предлагался и предлагается до сих пор, как правило, биологами-эволюционистами, исходящими из принципов дарвинизма); психологический (представляющий собой особый вариант теории ведущей роли идеального фактора, но в его конкретном

истолковании только как человеческой психологии); космический (например, у русских космистов: в работах Вернадского, который обращался и к законам биологии, Циолковского, Чижевского и др.) и пр. Однако использование понятия реальных факторов, в том числе внеобщественных, недостаточно для выяснения законов исторического процесса, так как это не обеспечивает адекватного выхода за пределы общественных явлений. Как отмечено выше, обосновать логически теорию истории (особенно достаточно общую по своему характеру) невозможно без выхода в метатеоретическое (по отношению к обществу и его истории) понятийное пространство. Но адекватным высшим этажом или, при иной метафоре, самым глубоким фундаментом такой метатеории может служить, в конечном итоге, лишь философия как самое широкое из всех возможных обобщений сущности мира, и при этом лишь в ее материалистической форме, ибо только такая философия позволяет связать теорию общества и истории с научными принципами, обоснованными в наиболее развитых отраслях современных наук о неживой и живой природе (в том числе в физике, включая космологию, астрофизику и термодинамику, в теории информации, в биологии в целом и, в частности, в генетике, нейрологии, а также в психологии, в том числе когнитивной психологии, в лингвистике и ряде других дисциплин, находящихся на стыке биологических и общественных наук)²².

С появлением марксистской историософии (также наследника и продолжателя идей Просвещения) как первого в истории философского учения, не только поставившего своей задачей, как это сделал и позитивизм, максимально научно обосновать принципы философии²³, но и стремившегося неуклонно и всесторонне осуществлять эту задачу, в историософии возникла наиболее последовательная тенденция строить теорию общественных явлений на основании самых современных достижений наук. Основой такой тенденции явилась, безусловно, материалистическая философия, существенно более развитая, чем ее предшественница эпохи Просвещения или времен Фейербаха. Но и

марксизм, прежде всего в лице Карла Маркса, мыслителя, безусловно, гениального (это проявилось в особенно яркой форме в области философии и в теории общественных наук, особенно истории общества), не сумел создать достаточно полную и непротиворечивую теоретическую систему, позволяющую объяснить статику (структуры и функции) общественного организма и его историческую эволюцию²⁴. Основная ошибка марксизма заключалась в неверном понимании идей, знаний, сознания как второстепенного фактора, не играющего решающей роли в жизни и истории общества. Это положение, несмотря на противоположные утверждения (*см. примечание 13*), оставалось всегда краеугольным камнем истмата. Причина такого подхода имеет в первую очередь специфически исторический характер. Порождавшаяся различными мотивами борьба основателей марксизма против историософии идеалистов и просветителей, у которых общей чертой было выдвигание идеального фактора на первое место в истории (хотя на совершенно различных философских основаниях), привела к тому, что марксизм перегнул палку в противоположную сторону, выбросив за борт сознание, идеи как активную и решающую силу исторических изменений (*см. также примечания 12, 13, 26 и 33*). Но главную роль и в этом случае, как и в предшествующем (при формировании историософских идей в рамках материализма Просвещения), сыграла недостаточная последовательность философии материализма (что сказалось, по нашему мнению, в недоработанности вопросов не только о гносеологическом, но и еще больше об онтологическом значении и статусе идеального в его отношении к материальному), а этот недостаток, в свою очередь, определялся опять же уровнем развития фундаментальных наук, который был достигнут как в эпоху формирования марксизма, так и в течение последующей его разработки вплоть до середины XX в., пока точные науки о природе и технике не создали наконец условия для возникновения кибернетики и других междисциплинарных методологий, без которых научная разработка теории истории представляется невыполнимой задачей²⁵. Этим в первую

очередь объясняется, почему раньше невозможно было глубоко обосновать теорию исторического процесса, которая имела бы полностью (а не только частично) научный характер.

Кроме того, к сожалению, в марксистскую философию истории вторглись посторонние соображения идеологического и политического характера, которые стали серьезным препятствием на пути разработки научной историософии. Нам представляется, что в этом заключается главная причина того, что марксистский подход даже в современных условиях бурного развития наук о природе и обществе не оправдал возложенных на него надежд и не создал полноценной научной теории истории, которая столь необходима исторической науке в качестве ее теоретического фундамента. В этом плане особенно вредную роль сыграли партийно-политические соображения, которые явились серьезным тормозом в деле разработки такой теории уже интеллектуальными представителями немецкой социал-демократии во второй половине XIX и первой четверти XX вв., а тем более философами и историками в коммунистических странах, прежде всего в СССР, где немалое значение имели также ложно понятые государственные интересы. В этой обстановке развитие материалистической философии и особенно научной теории истории было если не полностью заморожено, то, во всяком случае, сильно заторможено и в значительной мере деформировано, что привело к замене сложной и богатой нюансами теории общества и истории, предложенной Марксом и содержавшей элементы далеко не только прямолинейного (слишком упрощенного) переноса принципов материалистической философии в область общественных наук²⁶, как это отражается не только в самом названии «исторический материализм» (предложенного не Марксом, а после его смерти Энгельсом), но, к сожалению, до сих пор и в его содержании. Такой упрощенческий подход и его чрезмерно длительная консервация в политических условиях комрежимов лишили истмат возможности полностью и всесторонне учесть самые современные успехи наук о природе и технике, особенно те, которые были

достигнуты в основном во второй половине XX в., и совершенствоваться в направлении роста своего научного характера в той мере, в какой это стало возможным на основе таких успехов²⁷.

В силу всех перечисленных причин философия истории вообще (в том числе даже марксистская) оказалась вплоть до нашего времени если не полностью оторванной от основных достижений современной науки, то, во всяком случае, далеко не достаточно с ними связанной, а это помешало поставить вопрос о теории истории окончательно на научную почву даже во второй трети XX в., когда для этого, по нашему мнению, полностью созрели необходимые и достаточные предпосылки благодаря фундаментальным идеям, предложенным кибернетикой в 1940–1960-х гг. Таким образом, указанные причины – в том числе отсутствие или, во всяком случае, явная недостаточность связи марксистской философии истории со строго научными дисциплинами, включая междисциплинарные методологии (среды которых главную роль для социально-гуманитарных наук, по нашему глубокому убеждению, играет кибернетика, а не общая теория систем, системная динамика, автопоэзис, синергетика и прочие подходы, также полезные и в этой области, но лишь как дополнение к кибернетике, а не как ее замена, на что все они претендуют), которые возникли и развивались в основном только с середины XX в. и внесли значительный вклад в установление своего рода «моста» между «жесткими» науками о природе и «мягкими» науками об обществе – явились серьезной препоной, которая не позволила марксистской историософии достигнуть высшего возможного уровня научной обоснованности своих положений²⁸ и предложить если не строго научную теорию истории, опирающуюся на формальные методы логики и математики, что пока, по-видимому, еще далеко от возможностей последовательной и системной реализации при современном уровне развития наук, в том числе историографии и историологии, то хотя бы **наметить более ясно очерченные и полнее научно обоснованные, чем в истмате, контуры такой теории, указав тем самым путь**

к ее научной разработке на настоящем этапе²⁹. Именно эта задача, по мнению автора, должна стать программным минимумом современной научно ориентированной историософии в ее наиболее обобщенной, самой абстрактной форме. Цель автора данной статьи заключается в предварительном обосновании такой программы-минимум.

3. Историософия или научная теория истории?

Несмотря на то, что в настоящее время вряд ли удастся указать четкий водораздел между философским и научным подходами к теории истории, все же можно выявить некоторые существенные расхождения между ними, если учесть принципиальные различия этих двух теоретических форм познания вообще, истории – в частности. Различия в исторической эпистемологии указанных форм познания являются производными от общей противоположности философии и науки. Как отмечено выше, для первой, в отличие от второй, характерно наличие только теоретического корпуса, при отсутствии корпуса фактов (обязательного для любой научной дисциплины) и поэтому явно выраженной связи теоретических (каузальных) обобщений с эмпирической формой познания³⁰. А такая связь является непременным требованием к любой области знания, претендующей на научный, а не философский статус. Вследствие этого, во-первых, философские положения по самой своей природе, т. е. по методам своего формулирования, в принципе не верифицируемы, или не доказуемы на основе фактологических данных (или, что то же самое, не фальсифицируемы, т. е. неопровержимы, если принять более осторожную позицию попперианства), а поэтому, в частности, не могут служить основой прогнозов, так как из утверждений, сформулированных в философской форме (в основном, на естественном языке, а не на формальном, к которому нередко прибегают философы с целью придать философии характер и статус науки, что по определению невозможно без преобразования соответствующей философской дисциплины в

научную), не вытекает никаких следствий практического характера, которые можно было бы обнаружить путем пассивного (наблюдение) или активного (в форме эксперимента) опыта, т. е. при помощи полного эмпирического познавательного цикла, включающего как обязательный момент ощущения (результат работы органов чувств) – первичный источник всякого фактологического знания. Наука, наоборот, невозможна без обоих корпусов: не только теоретического, но и эмпирического, которые достаточно тесно связаны друг с другом, чтобы допускать – при определенных предположениях и соблюдении необходимых условий – опытную проверку теоретических положений, из которых вытекают следствия в эмпирической форме, доступной наблюдению (т. е. прямому или опосредованному приборами восприятию результатов опыта органами чувств). Из этого отличия вытекает второе: философия не способна строго аргументировать методологию исследований в конкретных областях познания, так как ее положения не имеют непосредственно выхода в эмпирическую сферу. Наконец, в-третьих, философия в принципе не может иметь практического применения и прямо содействовать эволюции материальной области социума (не считая ее, как правило, непрямого, но очень важного влияния как на материальную жизнь общества благодаря косвенному вкладу в развитие наук, так и на формирование идеологий, регулирующих политические и иные социальные институты или организации и – прямо и непосредственно или лишь в конечном итоге, через целую цепь последовательно связанных звеньев – также поведение людей в обществе)³¹, тогда как наука, в силу принципов своего познания, тесно связанного с конкретикой, способна предложить такие идеи, которые могут быть реализованы в материальной форме, и тем самым вносить вклад в развитие этой стороны общественной жизни, представляя собой поэтому в новое время первичный двигатель исторического процесса (но, пожалуй, все же не «непосредственную производительную силу общества», как это часто утверждается даже марксистами, а силу, опосредованную техникой и технологией: см. примечания 13, 26, 33).

Указанные соображения означают, что для того, чтобы удовлетворять основным требованиям, предъявляемым науке, научная теория истории обязана быть не только связанной с конкретикой в познавательном плане, но и практически полезной в двух смыслах. Она должна быть, во-первых, способной предложить (и обосновать) принципы методологии любых научных исследований в области истории, в том числе и прежде всего в историографии (ибо любая методология вытекает как следствие из соответствующей теории определенной сферы явлений), а во-вторых, применимой в собственно практическом смысле как теория, которая позволяет не только объяснить прошлое исторического процесса, но и предложить практически важный прогноз, указав на неизбежное или, по крайней мере, весьма вероятное будущее³², и тем самым поставить вопрос о способах и средствах борьбы с нежелательными последствиями (как правило, порождаемыми техническим прогрессом и, значит, развитием научного знания, результатом и материальным воплощением которого является этот прогресс³³), если – и лишь в той мере, в какой – существует возможность избежать или ослабить их отрицательное воздействие на человечество (с точки зрения борьбы последнего за свое выживание, если говорить на биологическом языке, или, шире, общественного механизма в целом против энтропии, если выразаться на языке кибернетики). А смысл, характер и степень неизбежности курса (или направленности) эволюции общества в будущем, знание чего необходимо для сколько-нибудь надежных прогнозов и, значит, возможная степень свободы в выборе собственного будущего могут быть научно аргументированы только такой футурологией, которая основывается на исходящей из принципов кибернетики общей теории исторического процесса.

Таким образом, под научной теорией истории здесь понимается историософия, которая предельно обогащена достижениями современных наук (о косной и живой природе, а также, естественно, всех общественных – социальных и гуманитарных – дисциплин) и тем самым позволяет наме-

тить пути преобразования философии истории в действительно научную теорию. Этим двойным – одновременно философским и научным – подходом к поиску теории истории как такой философской теории, которая, в конечном итоге (пусть даже в отдаленной, но реальной перспективе), позволяла бы двигаться в направлении выработки научно обоснованных формулировок исторических закономерностей и поэтому могла бы уже сегодня стать (пусть с определенными оговорками) научной теорией исторического процесса, объясняется столь же двойное название настоящей статьи как историософии (философии истории) и в то же время научной теории истории, несмотря на то, что, строго говоря, как уже отмечалось, философия и наука представляют собой две разные – хотя равно необходимые и тесно связанные между собой – формы теоретического мышления и соответственно два разных этапа развития теоретического познания (притом не только в исторической перспективе эволюции такой формы познания, как это давно сформулировано в концепции возникновения наук путем их «отпочкования» от философии, но и в рамках развития любой научной дисциплины, где обе формы выступают как две необходимые фазы исследования, поочередно сменяющие друг друга в сложнейшем циркулярном познавательном процессе, или как два параллельных, неотрывных друг от друга и сопутствующих друг другу теоретических аспекта этого процесса, в котором философское познание предваряет научную теорию, а последняя регулярно сменяется верификацией через опытные формы изучения, прежде чем снова обратиться к теоретическому, вначале снова философскому мышлению).

4. Значение кибернетики для разработки научной теории истории

Какой же вывод можно сделать из ситуации, в которой находится ныне история как научная дисциплина? В начале XXI века и 3-го тысячелетия, спустя две с половиной тысячи лет после возникновения науки как новой формы и высшей стадии теоретического познания³⁴, возникает за-

конный вопрос, не пора ли и исторической науке обзавестись собственным научно обоснованным общетеоретическим багажом, т. е. корпусом таких теорий, которые в своей совокупности образовали бы единую систему взаимосвязанных идей (положений), достойную названия научной общей теории исторического процесса, или теоретической истории³⁵. По мнению автора, давно пора³⁶. Эта пора наступила, по крайней мере, с того времени (вторая половина 1940 – первая половина 1960-х), как вышли в свет книги и статьи известного американского математика Норберта Винера о кибернетике³⁷. Именно с публикацией этих работ стала не только актуальной, но и вполне реальной задача разработки – на основе кибернетики и вытекавших из нее философских выводов (касавшихся прежде всего интерпретации сущности идеального, рассматриваемого в гносеологической и онтологической связи с материальным) – единой научной теории общества, включая проблемы его эволюции, которыми в конкретной форме и занимается классическая историческая наука (историография), независимо от того, осознают ли историки этот самый глубокий смысл, самую суть своей работы или нет. Мы убеждены, что уже с середины XX в. впервые появилась наконец возможность разработать хотя бы предварительные контуры современной научно обоснованной общей теории исторического процесса благодаря фундаментальным идеям кибернетики и вытекающим из них философским принципам. Лишь при таком подходе можно выйти за пределы общества (и, значит, истории), чтобы увидеть его проблемы в достаточно широкой перспективе и построить наиболее общую теорию, позволяющую включить общество и его развитие в такие обширные рамки, которые позволяют выявить самые общие законы существования социума, в том числе закономерности его эволюции. Иначе говоря, без указанной трансценденции в область метатеории, включающей как свою неотъемлемую часть (и как частный случай) также единую общую теорию социума, представляется невозможным построить научную теорию истории, рассматриваемую как систему наиболее общих законов социетальной

эволюции. Познание этих законов дает в итоге самую абстрактную теорию исторического процесса как развития (эволюции) общества на всем протяжении его истории (независимо от внешних физических, биологических и иных условий, в которых протекает это развитие и которые оказывают на него лишь дополнительное влияние, ускоряя или замедляя прогресс в любой области жизни общества, придавая социальным изменениям ту или иную специфическую форму, особый оттенок, частные нюансы и т. д.): от возникновения общества и соответственно начала исторического процесса вплоть до предвидимого в будущем финала, конца истории (если не исчезновения социума как управляемой системы). Нужно подчеркнуть, что конец истории выражается если не в гибели общества, то в окончании исторического процесса, понимаемом не как прекращение событий (это возможно лишь вместе с уничтожением социума), а как завершение социетального этапа эволюции управляемых систем, представленного антиэнтропическими преобразованиями общественной формы таких систем. Если было начало истории как возникновение общества, значит, будет и конец истории, но не в смысле Гегеля или Фукуямы, который представляет собой поверхностную констатацию остановки существенных преобразований общества, а в более глубоком кибернетическом смысле, как прекращение общественной эволюции, т. е. существенных антиэнтропических изменений, представляющих собой процесс усложнения общественной управляемой системы как таковой.

Если подытожить суть предлагаемого кибернетического подхода к теории истории, то речь идет о таких самых общих законах, которые действительны для любого общества, или социума, независимо от формы, места (региона) и времени (эпохи) его существования, т. е. от формации, цивилизации и т. п. этапных и/или локальных отличий. Иными словами, это **теория истории вообще**, рассматриваемой как эволюция **общества вообще**.³⁸ Необходимость наиболее абстрактной теории общества и истории диктуется как принципами кибернетики и выводами из нее для общественных наук, в том числе для истории, так и самими об-

щими философскими соображениями, аналогичными тем, которые лежат в основе марксистской философии истории, или исторического материализма³⁹. Без такой абстрактной макротеории (общей и потому всеобщей) истории невозможно более строго научно разработать также и менее широкие мезотеории истории, подобные не раз упомянутым формационным, цивилизационным и миросистемным схемам, которые не только занимают по степени своей общности и абстрактности промежуточное положение между высшим уровнем историологии, рассматриваемым в данной статье, и микротеориями истории в виде исторических интерпретаций, типичных для историографии, но и являются мостом, позволяющим перейти от первой к последним, пользуясь соответствующей системой методологий как своего рода лестницей (дедуктивного) спуска или (индуктивного) подъема. В первом случае от общих теоретических положений нужно переходить к более конкретным утверждениям каузального характера путем дедуктивных выводов все меньшей степени общности. Во втором случае необходимо подыматься от исторических фактов к все более широкому эмпирическому (фактологическому, а не каузальным) обобщениям, получаемым путем последовательной индукции. В конечном итоге эти два пути теоретического строительства в области исторического познания должны сомкнуться, хотя вопрос о стыковке, взаимном соответствии каузальных и фактологических обобщений еще нуждается в серьезном исследовании, относящимся к теории и методологии познания вообще и специфически исторического в частности. (Этот вопрос сочетания двух методов – дедуктивного и индуктивного – и масштабов их действия, а также взаимной проверки результатов обобщений является крайне сложным и далеко выходит за рамки обеих частей работы).

Из сказанного можно сделать фундаментальный вывод, что задачу разработки научной теории общества и истории невозможно решить без объединения идей марксизма в области философии и историософии с принципами кибернетики, чтобы, с одной стороны, придать марксистской философии в целом (но прежде всего в вопросе о сущности иде-

ального) и основанной на ней теории истории самую современную, наиболее научную (в смысле максимального использования достижений передовых наук) форму, а с другой, поставить выводы, вытекающие из кибернетики для общественных наук и конкретно для истории общества, на твердую почву материалистической философии. Именно эти два, казалось бы, столь далекие друг от друга течения философской (марксизм) и научной (кибернетика) мысли являются основными исходными пунктами изложенной в данной работе (*наиболее последовательно, систематично и полно в Части II*) научной теории общества в целом и его истории в частности. Следовательно, эта теория основана как на принципах, сформулированных в философии марксизма и в истинате, правда с существенными изменениями в обеих составных частях марксистской философии, так и не в меньшей мере на концепциях кибернетики, которые при этой операции соединения с марксизмом тоже подвергаются существенному (чисто философскому) переосмыслению (хотя, как нам представляется, в духе основных идей основателя кибернетики, которые слишком часто не принимаются во внимание при описании ее научного содержания и философской интерпретации: *подробнее об этом в Части II*). В связи с этим в Части II необходимо остановиться главным образом на содержании и философском смысле кибернетики, чтобы обосновать подробнее ее значение для разработки научной теории истории, так как иначе предшествующие замечания на эту тему в данной Части I (*в том числе в сносках и примечаниях*) могут быть недостаточно поняты⁴⁰.

Примечания

¹ Относительно семантики термина «общество», в том числе понятия «общества вообще», полезна классификация Ю. И. Семенова («*Философия истории*», 1999; см. также ссылку 38).

² В связи с определением общей теории истории нужно сделать два замечания. Во-первых, под историей здесь понимается только эволюция, т. е. процесс закономерных и потому существенных преобразований общества, а не вся совокупность его изменений во времени, которая включает как закономерные, так и случайные, индетерминированные

(второстепенные, или недолговременные, или противоположно направленные, или имеющие все эти характеристики, а не существенные, длительные и одинаково направленные) перемены, выразившиеся в соответствующих исторических событиях. Во-вторых, на таком, высшем уровне обобщения законы истории, или эволюции общества, включая его возникновение (начало истории), развитие (развертывание всех потенций, заложенных в социетальную управляемую систему) и предвидимое в будущем если не исчезновение, то прекращение развития, или эволюционных, т. е. антиэнтропических, преобразований (конец истории), рассматриваются как независимые от того, в какой части Универсума возникает и развивается общество, если все общие необходимые и достаточные условия для социогенеза и эволюции социума (физические, химические и, как непосредственная предпосылка возникновения общества, биологические: *см. также Часть II*) в определенных границах не отличаются от земных. Возможность других, отличных от земных, условий возникновения жизни, а значит, в конечном итоге и общества, пока не доказана, несмотря на усиленные поиски и неоднократные обсуждения так называемых «внеземных цивилизаций» физиками и астрономами в течение второй половины XX в.

³ Различия между этими тремя уровнями теоретического обобщения истории не являются абсолютными, так как они не разделены непроходимыми перегородками. Предлагаемая тройственная классификация уровней теоретического обобщения истории имеет относительный или даже скорее прагматический характер (т. е. соответствующий реальной практике теоретических исследований в историософии и историографии). Но эти различия тем не менее достаточно очевидны и могут быть методологически обоснованы.

⁴ Как и прочие междисциплинарные подходы (или методологии), кибернетика возникла именно с целью содействия развитию более «мягких» наук (какими являются социально-гуманитарные дисциплины) за счет усвоения понятий и концепций более «жестких», в первую очередь фундаментальных: физики, химии, биологии и др., а также технических дисциплин, не говоря о взаимном оплодотворении общественных наук. Выполнение этой задачи делает междисциплинарные подходы незаменимым средством преобразования менее развитых дисциплин в зрелые науки. В отношении наук об обществе, включая историю, эту роль, по мнению автора, играет преимущественно (хотя не только) кибернетика (*см. также примечание б*).

⁵ Конечно, в истории общества большое место занимают регрессивные, антиэволюционные (или деволуционные) процессы и явления, вызванные внесоциальными или социальными силами (природные катаклизмы, войны и т. п.), играющими, по крайней мере при определенных обстоятельствах, деструктивную роль. Развитие общества совершается, однако, преимущественно (если не только) за счет действия конструктивных сил, которые подчиняются определенным законам, характерным только для социума. Выяснить эти законы в их самой общей форме и означает построить теорию истории самого общего уровня, т. е. теорию

«истории вообще» (см. также примечание 29**).

⁶ Мы имеем в виду законы развития более широкой, чем общество, области, которые только с этой точки зрения «надысторичны» в том смысле, что они являются более общими, чем законы истории только общества. А в более широком, общеэволюционном смысле они имеют не менее ярко выраженный исторический характер (см. раздел 4 и особенно Часть II, где эта проблема развивается в связи с вопросом о значении кибернетики для теоретических исследований в общественных науках).

⁷ Возможно и противоположное направление движения понятий и идей между науками, например, из биологии в технические дисциплины или из общественных в биологические, а в наше время – даже в физику, тем более в ее историю и философию (ярким примером может служить работа Т. Куна. *Структура научных революций*. М.: Прогресс, 1975), хотя это противоположное заимствование ведет чаще всего к ошибочным толкованиям, если не к откровенно антинаучному подходу к смыслу и значению науки и ее истории.

⁸ Вопрос о превращения истории в науку требует рассматривать всю совокупность исторических дисциплин, вместе взятых, а не только историографию. Именно в целом вся эта группа дисциплин приобретает статус истинной науки благодаря разработке научной теории исторического процесса. Если же говорить конкретнее, то формирование такой теории должно, по нашему мнению, неизбежно привести к выделению в системе исторических наук новой дисциплины, которая включает высший и средний уровни обобщений, более высоких, чем стандартные, даже самые укрупненные исторические интерпретации в историографии. Эту новую дисциплину логично и удобно назвать историологией (см. также примечание 35). Аналогичная ситуация имеет место и в других комплексах дисциплин, например, в физических науках, где существуют более теоретические отрасли, подобно теоретической физике (не говоря о математической физике), и более близкие к эмпирическим проблемам разделы прикладной физики и физических технических дисциплин. То же самое можно сказать о химии и, в определенной мере, о биологии, а также о лингвистике, экономике и некоторых иных отраслях общественных наук, а в частности, хотя с некоторыми оговорками, и о социологии, продвинувшейся гораздо дальше, чем история, в направлении выработки теории общества, особенно при использовании кибернетики (социокибернетика) и иных теорий систем (ОТС, автопоэзис и др.).

⁹ Конечно, другой, не менее важной, но уже эмпирической предпосылкой научной теории истории было развитие исторической науки, или историографии (в смысле историоописания, а не истории науки истории). Последняя, однако, поставляет в основном фактологический материал, который позволяет получить только эмпирические обобщения с помощью индукции, а не каузальные, которые можно вывести лишь путем дедукции из более общих теоретических положений. Но последние являются не результатом обобщения эмпирических данных, а продуктом теоретических соображений, создаваемых путем, совершенно отличным от фактологических исследований и основанных на них эмпирических

обобщений (см. об этом также в примечании 23, а подробнее в Части II). Этот путь теоретического творчества в отношении истории до сих пор был реализован преимущественно историософией. Вот почему развитие последней явилось важнейшей предпосылкой создания научной теории истории.

¹⁰ Речь идет об отсутствии не вообще теоретической компоненты в историческом знании, а именно корпуса теорий истории как единой теоретической системы, в основе которой лежала бы макротеория истории, позволяющая связать воедино менее общие теоретические подходы: от теорий среднего уровня (мезотеорий, таких как формационные, цивилизационные, миросистемные и иные концепции макроисторической динамики) и вплоть до частных исторических интерпретаций (микротеорий), принятых в историографии и представляющих собой низший уровень теории истории. Хотя создание такого корпуса в известной мере (с определенными ограничениями) можно начинать с разработки любого уровня обобщения исторического процесса, как это практически и делается, в частности, в современной России (см. упомянутые работы Л. Е. Гринина, И. А. Гобозова, Ю. И. Семенова), тем не менее завершить эту работу можно лишь на основе самой общей теории этого процесса, задача конструирования которой оказывается *conditio sine qua non* формирования указанного корпуса. Этой задаче и посвящены обе части данной статьи. Только после создания общей теории истории и формирования теоретического корпуса в целом, на что, естественно, уйдет колоссальный труд и огромное время целого отряда историков-теоретиков в будущем, историческое познание, весь комплекс исторических знаний сможет стать наукой в точном смысле этого слова. Историография не может ограничиться эмпирическим описанием прошлого и обязана дать объяснение полученной картине исторических явлений (состояний общества в прошлом) и событий, а это в конечном итоге невозможно сделать достаточно глубоко без самой общей теории исторического процесса как системы идей, которая, в свою очередь, на еще более высоком или общем уровне, должна быть основана на соответствующих философских принципах. Но в силу отсутствия научно обоснованной теории истории историки до сих пор вынуждены прибегать к эклектической (бессистемной) смеси различных философских и общественных (экономических, социологических, политических и т. п.) учений, причем часто не осознавая или, во всяком случае, слабо отдавая себе отчет, каких именно, и поэтому не представляя себе ясно общетеоретических оснований тех понятий, из которых они исходят в своих интерпретациях. Это относится, хотя в меньшей мере, и к историкам-марксистам, так как марксистская философия истории все еще не достигла необходимого научного уровня (см. ниже, в том числе примечания 13, 33). Вот почему можно говорить о недостаточном развитии теоретического аспекта всей историографии и о ее неполноценности как дисциплины с точки зрения требований, предъявляемых к науке.

¹¹ Вклад философов и историков других стран, в частности Италии и Англии, в разработку секулярной историософии в эту эпоху был суще-

ственно меньше, даже с учетом трудов Вико и Г. Болингброка, а также историков Э. Гиббона, Т. Карлейля, Т. Маколея, Г. Бокля, подчеркивавших решающую роль прогресса знания в историческом развитии. Поэтому мы опускаем историософские идеи, разработанные в этот период в иных странах Европы, кроме Франции и Германии, так как задачей данного исторического обзора является лишь указание на принципиальные историософские источники научного подхода к теории истории, а не описание целостной картины теоретических подходов к истории, которые в прошлом были представлены – если не только, то, по крайней мере, преимущественно – философскими учениями. В связи с такой задачей можно ограничиться почти только философией истории в указанных двух странах как идеальным историческим примером, опуская и вклад историков этих стран в эпоху Просвещения, а также до нее и в начале XIX в., например, во Франции, таких как Ж. Бодуэн, Г. Мабли, Ф. Гизо, О. Тьерри, Ф. Минье, Ж. Мишле, А. Токвиль, а в Германии – как Ф. Шлоссер, Л. Ранке, Т. Моммзен, Я. Буркхардт. Все они на передний план выдвигали развитие знаний как ведущую силу исторического процесса.

¹² Эта оценка взглядов просветителей-материалистов на историю в значительной мере объясняется также тем, что классики марксизма, как и мыслители, из взглядов которых они исходили или идей которых они опровергали (т. е. деятели эпохи Просвещения и представители немецкого классического идеализма, в ходе критики которых, как известно, формировались принципы марксистской историософии), обратили преимущественное внимание на так называемое «общественное сознание», под которым понимались в основном разные формы идеологии (религиозные и секулярные, включая философию), лежащие в основе политических, религиозных и иных учреждений, вместе с которыми они образуют, согласно Марксу, надстройку. Но при этом основатели марксизма и их последователи, включая советских марксистов, в теоретическом плане фактически игнорировали остальные формы знания (в том числе технические – практические и теоретические, а в конечном счете в целом научное познание природы) как неотъемлемую компоненту всех областей жизни общества, включая прежде всего сферу материального производства (и экономики вообще). Исключением являются лишь некоторые, не приведенные в теоретическую систему взгляды, например, на технику как воплощение мысли, на науку как производительную силу, другие отдельные замечания вроде знаменитого сравнения архитектора и пчелы, а также теория революций, не только не вписывающаяся в общую концепцию исторического материализма, но, как и остальные упомянутые идеи, прямо противоречащая его основополагающим принципам (см. также примечания 13, 26, 33).

¹³ У Маркса уже можно найти идею, что техника (являющаяся небиологической компонентой социального тела, или общественной телесности) представляет собой материализацию идеального. Об этом свидетельствует его замечание о машинах и прочей технике при капитализме: «Все это – созданные человеческой рукой органы человеческого мозга,

овеществленная сила знания». (Мы опускаем здесь критику неверного утверждения, будто бы машины созданы только «человеческой рукой», а не также при участии машин и иной техники, и тем более утверждения, будто бы они выступают как «органы человеческого мозга», в смысле средства действия мозга человека на мир. Такие выражения являются типичным антропоцентризмом, пленником которого марксизм остался до конца. Эта черта серьезно препятствует в марксизме и строго научному подходу к обществу вообще, производству в частности, а потому и к исследованию законов истории общества). В этой связи, хотя лишь в частной форме оценки развития основного капитала, он говорит о превращении «всеобщего общественного знания в непосредственную производительную силу», о том, что «условия общественного жизненного процесса [т. е. материальные условия, а прежде всего техника] подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним» (*Маркс и Энгельс. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 215*). В новое время речь идет о знании в форме науки, что Маркс прямо и формулирует в той же работе, где указывается на зависимость эффективности производства в конечном итоге «от общего уровня науки и от прогресса техники, или (в смысле то есть. – А. Ж.) от применения этой науки к производству» (*Там же. С. 213–214; см. также: Ойзерман Т. И. Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы // Вопросы философии. 2001. № 1. С. 9–12, и Черковец В. Материально-техническая база общества // ФЭ. Т. 3. 1964. С. 364*). Те же идеи можно встретить и у Энгельса. Этот аспект марксизма справедливо подчеркивает Т. И. Ойзерман в указанной статье, но с его критикой взглядов Маркса, особенно роли технического прогресса в истории общества, не во всем можно согласиться. А главное, ему не удастся совместить исторический материализм с тезисом, что знание является «непосредственной производительной силой», к какой бы эпохе и каким бы общественным условиям и формам знания (в том числе научным) ни относить этот тезис. Лишь кибернетика дала возможность пролить новый свет на эти проблемы, представив их в гораздо более строгой научной форме, чем это было возможно до ее появления. Важно отметить, что в кибернетике применяется термин «информация» как научное – и при этом значительно расширенное (включая весь диапазон проявлений: от генетического до теоретического) – определение общего явления, представленного у человека в виде сознания (познания), ощущения и т. п., которые охватываются философским понятием идеального как частные формы этого последнего (подробнее об этом в Части II, при обсуждении значения кибернетики для историософии и, еще шире, для философии в целом). (*См. также примечание 33.*)

¹⁴ Гердер, ученик Канта, с его теорией истории стоит несколько в стороне от основной линии немецкой классической философии, хотя в ряде вопросов историософии он является, с одной стороны, типичным представителем Просвещения, признававшим за идеями решающую роль в истории, а с другой, предшественником Гегеля. Именно Гердер первым предложил общую схему универсальной эволюции мира (материалистическую по своему духу), в которой истории общества предшествовало

развитие природы, в том числе косной материи (здесь он исходил из теории Канта о возникновении Солнечной системы). Эта схема была затем подхвачена и по-разному развита Гегелем и Г. Спенсером, выдвинувшим теорию универсального эволюционизма.

¹⁵ Критическая философия истории посвящена изучению не законов исторического процесса, наличие которых отрицается, а оторванных от онтологии истории гносеологических вопросов исторического познания, в особенности логики (как правило, неформальной), которую можно обнаружить в работах историков. При этом логика истории как формы познания рассматривается как нечто самостоятельное, независимое от объективного исторического процесса, поскольку или эта проблема игнорируется, или отрицается ее существование, или она решается с позиций идеализма, чаще всего субъективного. Критикуя идеи Р. Арона, французского представителя этого направления в философии истории, И. А. Гобозов совершенно верно замечает: «...Нельзя отрывать друг от друга гносеологию и онтологию. Теория познания (гносеология) без объекта познания перестает быть теорией...» (*Гобозов И. А. Введение в философию истории. 2-е изд. М.: ТЕИС, 1999. С. 27.*)

¹⁶ *Конт О. Курс положительной философии. СПб, 1900. Т. 1. С. 21; цит. по: И. А. Гобозов, цит. соч., с. 61.*

¹⁷ Плодотворная идея основателей позитивизма (как О. Конта, так и Г. Спенсера) о единстве социальных и биологических дисциплин была обоснована кибернетикой лишь в середине XX в. (*см. Часть II*). Конт также утверждал, что между всеми формами знания имеется глубокая внутренняя связь, хотя в его время было еще невозможно научно аргументировать это положение, явившееся в XX веке теоретическим обоснованием междисциплинарных методологий, в том числе кибернетики.

¹⁸ Социология, наряду с философией истории и историографией, конечно, также является одним из источников научной теории истории, так как и она внесла существенный вклад в подготовку такой теории. К сожалению, рамки статьи не позволили остановиться подробнее на этом вкладе и соответственно на истории социологии, особенно на истории социологических макротеорий (выше мы упоминали пока только О. Конта и Г. Спенсера). Но можно указать на главные моменты. Во-первых, кибернетический подход к теории общества исходит из положения, что статический (структурно-функциональный) и динамический (эволюционно-исторический) аспекты существования управляемой системы неразрывно связаны друг с другом, так что без одного нельзя объяснить другой (*подробнее об этом в Части II*). Это общее положение действительно и для общества как социальной управляемой системы. Поэтому оба указанных аспекта необходимо рассматривать в их единстве, т. е. в рамках единой теории социума. Социология как теория преимущественно статического аспекта общества, пусть лишь современно, вследствие указанного положения исключительно важна для разработки теории истории. Во-вторых, теоретическая история по той же причине включает и историческую социологию (или социологическую историю, что то же самое), так как без изучения прошлых обществ в стати-

ческом аспекте, невозможно исследовать процессы их эволюционного изменения и выяснить законы, которым эти изменения подчиняются. В-третьих, хотя лишь для условий современных обществ, но социология в той или иной мере затрагивает и проблемы развития общества, а тем самым ставит вопросы об общих причинах эволюции всяких обществ, следовательно, и тех, которые существовали в прошлом. С точки зрения вклада социологии в разработку теории общества и истории, то, на наш взгляд, он состоит в особенности в изучении ведущей роли знания, мысли, идей как в статическом плане, так и в отношении динамики общества, т. е. в вопросах развития социальных структур и функций. Хорошим примером могут служить взгляды не только О. Конта, который, вопреки своему идеалу превратить социологию в социальную физику, придавал формам теоретического мышления (и убеждениям) решающее значение в жизни общества, но и П. Сорокина, склонявшегося к той же точке зрения о ведущей роли мысли в обществе. Например, в работе (неопубликованной раньше рукописи) «О так называемых факторах социальной эволюции» (П. Сорокин. *Человек, цивилизация, общество*. М.: Политиздат, 1992. С. 521–531) он, после рассмотрения многих факторов (физических, географических, биологических и т. п.), вслед за многими социологами приходит к выводу, что специфическое отличие социальных явлений и соответственно факторов эволюции социума заключается в мире понятий, в логическом взаимодействии людей на основе понятий (Там же. С. 527), откуда следует вывод: **«Так как сущность социального процесса составляет мысль, мир понятий, то, очевидно, он же и является основным первоначальным фактором социальной эволюции»** (Там же. С. 531, выделено П. Сорокиным). В той же статье П. Сорокин ссылается на ряд замечательных высказываний этого рода у таких известных социологов и философов, как О. Конт, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, Г. Тард, Е. В. Де-Роберти, Л. Гумплович, Л. Уорд и многие др. Так, О. Конт, с самого начала выдвинувший гениальную мысль о единой науке об обществе, которую он и назвал социологией, определив ее как «науку о порядке [т. е. структурах и функциях. – А. Ж.] и прогрессе (эволюции) общества» (Там же. С. 522), считал, что «идеи управляют миром» и что «весь социальный механизм опирается в конце концов на мнения людей» (Там же. С. 527; в предшествующей ссылке приведен другой перевод того же высказывания). Л. Уорд писал: «...Человеческое общество является исключительно продуктом разума человека и незаметно явилось вместе с развитием мозга» (Там же). Еще дальше заходит в своей формулировке тезиса о приоритете идеального Е. В. Де-Роберти, придавший этому несколько односторонне сформулированному тезису самую крайнюю форму, в которой, однако, пробивается глубокое прозрение, хотя и не выраженное достаточно ясно: «Творить понятия и есть высшая цель всех подлинных обществ. *Абстракция и социальное сохранение есть в строгом смысле слова синонимы*», «абстракция (то есть мир понятий) есть подлинное *ipsum fundamentum* [самое основание] социального порядка, глубокая основа, на которой держится продолжительность, сила и могущество человеческих обществ» (Там же, курсив

наш. – А. Ж.). С кибернетической точки зрения это утверждение верно, если его понимать как указание на связь познания с борьбой общества с энтропией, следовательно, как минимум за самосохранение, если не за саморазвитие (самоусложнение). Как видно даже из этих немногочисленных примеров, весь комплекс такого рода аргументов, выдвинутых социологами в доказательство решающей роли в жизни и развитии общества именно идеального фактора, причем в специфически человеческой форме логического мышления понятиями (и поэтому, как добавляет в той же статье Сорокин, в виде членораздельного, преимущественно звукового и затем также письменного, языка), заслуживает самого тщательного рассмотрения, глубокого критического анализа и пересмотра (переосмысления) с точки зрения основанной на кибернетических принципах единой теории общественной системы и ее эволюции. Социология вносит немалый вклад в более детальную разработку основного утверждения этой теории, что идеальный фактор, или информация является ведущей, решающей, главной силой общественного развития. Но кибернетическая теория общества отличается от социологических теорий родственного характера: не только более обобщенным подходом к этому вопросу, но и еще одной очень важной чертой. Признавая всю важность взаимосвязи людей путем обмена информации (понятиями, мыслями, идеями) в жизни общества и объясняя с более общей и более строгой научной точки зрения значение этой связи как средства управления, кибернетический подход, однако, добавляет второй специфически социальный (или, в более широком смысле, социетальный) признак, отличающий общество от биологического мира с точки зрения результатов этого управления: превращение мысли в материальные формы как способ или инструмент борьбы с социетальной энтропией. Причем речь идет об овеществлении не только человеческой мысли, а любой информации, в том числе и о той, которую создают и используют технические устройства (например, компьютеры). В приведенных выше формулировках социологов явно выступает центральный недостаток одностороннего тезиса о превалирующем значении логической мысли – отсутствие принципа ее материализации. Эта проблема овеществления знаний, информации, мысли в самом общем теоретическом виде сформулирована в данной статье в Части II, но она крайне сложна и нуждается в детальной разработке, которая является одной из ближайших задач автора. Можно лишь добавить, что социологи давно заметили явление овеществления, материализации, воплощения мысли, идей, но не сумели придать своему открытию общего теоретического характера. В той же статье, исходя из приведенных формулировок социологов о сущности общества и из прекрасной мысли Г. Тарда, что все материальные элементы общества – это «застывшая мысль» (*Там же*. С. 529), П. Сорокин делает выводы, прямо приближающиеся к кибернетической теории материализации информации. Нетрудно увидеть, что при этом он руководствуется приведенным тезисом Г. Тарда. Так, из принципа тождества общества и мира понятий (мысли) он делает следующий вывод: «Едва ли эта точка зрения может быть оспариваема, ибо указать другое нечто, радикально отличающее

мир животных от мира человеческого, в высшей мере трудно. Если же это «нечто» и было бы указано, то при достаточном анализе видно было бы, что оно само обусловлено знанием, идеями, т. е. миром понятий» (*Там же. С. 528*). Видимо, Сорокин еще не решил, что такое это «нечто» и какое значение оно имеет в жизни и развитии общества по сравнению с самими идеями, обусловившими (т. е. породившими) его. Точнее говоря, он вслед за Тардом, все в обществе видит как «застывшую мысль». Это выражено в его общем выводе, что «человеческое общество, вся культура и вся цивилизация а конечном счете есть не что иное, как мир понятий, застывших в определенной форме и в определенных видах» (*Там же*). Этот мир застывших понятий остается в его теории нерасчлененным, аморфным, объединяющим не только материальные компоненты общества, но и знания, благодаря которым функционируют эти компоненты и составленные из них структуры общества. Это ярко проявляется в примерах, которые он приводит в подтверждение все той же мысли Тарда, что мысль, или в его терминологии, мир понятий представлен всюду в обществе: «...Оглянитесь вокруг себя, и вы его (мир понятий. – А. Ж.) увидите всюду!! Вот, например, фабрика со сложнейшими машинами, вот школа, университет, академия, вот больница, построенная соответственно научным требованиям, вот почта и телеграф и т. д. и т. д., – разве все это не застывшая мысль? Разве все эти фабрики и заводы, больницы и школы, дома и одежда и т. д. сами собой создались? Разве все это предварительно не было в виде мысли, хотя бы в головах их изобретателей? Разве все это, что теперь мы относим к культуре, не есть так или иначе выразившийся мир понятий?» (*Там же*). Если имеется в виду материальная культура, то приведенное высказывание совершенно верно с точки зрения кибернетики. Хотя принципиальное отличие сорокинской, вообще социологической мысли от кибернетического подхода состоит в том, что она ставит акцент на том, что материальный мир общества есть застывший (овеществленный) мир понятий (идей), то есть материализация идеального фактора, тогда как эволюционная кибернетика не меньшее значение придает второй отличительной черте социума – преобразованию знаний (понятий) в материальные явления, причем преимущественно небологического характера (т. е. в технику). Иными словами, у П. Сорокина и других социологов нет ясного понимания двух важных вещей. Во-первых, того, что речь идет о превращении идеальных явлений именно в материальные. Это показывает приведенная цитата, а также следующее высказывание, где, наряду с храмами, церквями перечисляются «обряды, молитвы и заклания» и утверждается, что «весь культ с этой точки зрения есть застывшая, выразившаяся вовне религиозная (а тем самым научная (?). – А. Ж.) мысль» (*Там же. С. 529*), и, наконец, рассуждение об искусстве как о явлении, которое «обусловлено знанием (миром понятий)». Перед нами теоретическая путаница, где влияние понятий на материальную жизнь общества (преобразование их в материальные формы) смешивается с их влиянием на другие формы идеальной стороны общества. Во-вторых, даже в случае феномена материальной инкарнации (воплощения в физические формы) знаний, идей, понятий,

информации, нет выделения, как самого важного факта, того, что такая «застывшая мысль» представлена в том числе неорганическими формами ее воплощения, какой является техника. Тем не менее понимание, что и техника является воплощением идей, знания, является крупным шагом социологии в макротехории общества и поэтому, как следствие, также в общей теории истории. Стоит целиком привести соответствующий текст, в котором П. Сорокин прямо оспаривает основополагающий тезис философии истории К. Маркса и который поэтому представляет особый интерес в связи с идеями кибернетической интерпретации исторического процесса, ярко демонстрируя вклад социологии (в частности, социологической макротехории) в подготовку научной теории истории. Правда, и приводимое ниже рассуждение еще раз демонстрирует также и путаницу мысли Сорокина, не различающего материального воплощения мысли (мира понятий, т. е. рациональной мысли) в технике и ее отражения в других формах идеального: «Что же касается, наконец, всей техники, всей практики индивида или данной общественной группы, поведения, нравственности, права, форм общественной и политической организации, «сил и орудий» производства (это уже цитирование Маркса. – А. Ж.) и т. д., – все это обусловлено миром понятий и представляет ту или иную его трансформацию. Это положение, несмотря на противоположное утверждение марксизма, может быть подтверждено всей историей политических организаций, техники, нравственности и права и ежедневным опытом каждого. Машины, прежде чем принять «материальное» бытие, должны уже иметь «логическо-психическое» существование в мысли ее изобретателя, а не наоборот. Это ясно. То же относится и ко всей технике, и ко всем «орудиям» производства. Все это, по остроумному выражению Тарда, «застывшая мысль». Фабрики и заводы, паровые и электрические двигатели, та или иная форма жилища, характер или состав пищи, форма одежды и вообще весь материальный быт, в конце концов, являются застывшей мыслью современной или предыдущих эпох» (*Сорокин П. Там же. С. 529*). С оценкой техники как застывшей мысли нельзя не согласиться. С точки зрения эволюционной кибернетики можно лишь дополнить, расширить и глубже теоретически обосновать этот тезис. В этом плане, по крайней мере, отчасти верно и обоснование упоминаемого Сорокиным «закона запаздывания» Де-Роберти, который состоит в том, что «наше знание опережает миропонимание, миропонимание – искусство, все вместе взятые – практику, быт. И действительно, не было бы ни одного переворота, прежде чем соответствующий психический переворот не был сделан. Религия всегда отставала от науки, а практика (техника, общественная организация и т. д.) – бесконечно далека еще от мысли... Очевидно, что если бы мысль не была первичным фактором или же была бы следствием другого социального фактора, то подобного «опережения» ею (всех) других форм социальности не могло бы быть; и обратно, то, что во временной последовательности наступает более поздно, то, очевидно, не может быть причиной со-бытия, наступающего раньше его. Так как изменение практики, быта, в частности, способов и орудий производства, а равным образом и всей

правовой и политической организации наступает лишь после соответствующего изменения в психике, в идеях, в знаниях и в убеждениях и без этого предварительного психического изменения оно не может наступить, то очевидно, что эта материальная революция не может быть причиной психической, а может быть только ее следствием: оно только как бы символ, выражающий это психическое изменение (*Там же. С. 531*). Заметим, что окончание последней фразы, вроде бы сводящее значение материальной революции к психическим изменениям, само является символом или показателем того, что П. Сорокин, как и другие социологи, не сумел понять величайшего значения преобразования идеальных форм (т. е. знания, мысли вообще, ее логических форм, понятий, в частности) в материальные как главной основы существования социума (т. е. общественного бытия в дословном смысле, как неразрывного единства идеального и материального, а не в искаженном марксистском толковании как только материального аспекта жизни общества) и как движущей силы его развития, или, что то же самое, как основного закона, управляющего социетальной эволюцией, т. е. историей в целом.

Подытожим. На основании приведенных высказываний ряда ведущих социологов о сущности общества и выводов из них относительно техники можно прийти к двум выводам о вкладе социологии в общую теорию общества и тем самым в создание научной теории истории. Во-первых, можно сказать, что хотя социологическая макротеория не развилась до уровня полной и всесторонней теории общества, какую позволяет сделать только кибернетика (это снова проявление выдвинутого нами принципа, что для создания общей теории общества надо выйти за пределы общества), тем не менее она существенно приблизилась к единой теории социальной системы, включая и теорию ее развития. Во-вторых, хотя в трактовке П. Сорокина упор сделан на частный вопрос о роли именно рационального мышления (мира понятий, знания и мысли именно в рациональной форме – ограничение, которое подчеркивает ведущую и наиболее отличительную, специфическую компоненту человеческого познания, которое, однако, не ограничено только рациональной формой), тем не менее даже в такой, частной постановке вопроса скрывается также более общий принцип об определяющей роли вообще идеального фактора в жизни и эволюции общества. При этом подходе возможен еще один вывод – его можно рассматривать как третий, вытекающий из второго, – а именно, что ведущее значение рациональной мысли в возникновении и развитии материальных элементов общества точно так же в частной форме выражает другой общий принцип, а именно превращение идеального в материальное, как важнейший момент в социетальном бытии в целом и в истории социума в частности. Этот вывод, имеющий столь важное значение в эволюционно-кибернетической единой теории общества, в социологии не был сделан, как не была выдвинута на передний план трансформация идей именно в технику (возможно, из-за оппозиции марксистскому тезису, слишком прямолинейно и упрощенно подчеркивавшему ее значение в качестве доказательства приоритета материального по отношению к идеальному). Тем не менее пере-

численные социологические макротеоретические обобщения прямо приводили к этой идее. И все же нельзя не констатировать еще раз, что только кибернетика смогла придать социологическим макротеориям достаточно строгий научный статус и необходимый для этого еще более широкий характер при помощи – я не устану это повторять – трансценденции, т. е. выхода в надобщественное (и поэтому надисторическое) теоретическое пространство.

¹⁹ Впрочем, такой же ненаучный, идеологический характер носит и так называемая «теория полезности», которая, вопреки противоположным утверждениям ее сторонников, не является, как указывает Джоан Робинсон, основанием современной экономической теории со всем ее математическим аппаратом (см.: *Joan Robinson // Economic Philosophy. 1962*). С наиболее глубокой точки зрения даже современная экономическая теория не имеет теоретического обоснования. Такое обоснование дается только кибернетикой, которая рассматривает экономику как сферу борьбы общества (как неизолированной, далекой от термодинамического равновесия системы) с материальным аспектом собственного разрушения. Это разрушение или дезорганизацию в физическом плане допустимо рассматривать как рост энтропии, а борьбу против этой тенденции – как борьбу с энтропией (хотя вопрос об энтропии является гораздо более сложной проблемой, которая уже полтора века служит предметом споров даже в среде физиков, не говоря о химиках и биологах, предлагающих собственные толкования, отличные от чисто физических, тем более о социологах, которые также используют теперь это понятие: см. также *Часть II*).

²⁰ Конт и особенно Спенсер положили начало биологическому подходу к социологии и истории. Так как, согласно кибернетике, биосистемы, прежде всего живые организмы, являются ближайшими «родственниками» социосистем и поскольку и до сих пор первые изучены много лучше, чем вторые, не удивительно, что постоянно делаются попытки использовать аналогии общества с организмом (или, что ближе, с надорганизменными системами типа животных сообществ как наиболее ярких выражений биологической «социальности») и соответственно истории – с биологической эволюцией. Эта на деле очень глубокая аналогия ошибочна лишь в той мере, в какой различаются между собой биологические и социетальные (присущие только социуму) формы и способы реализации законов существования и развития управляемых систем, о чем, естественно, не могли знать в прошлом сторонники биологизаторского подхода к теории общества и истории. (Но после возникновения кибернетики игнорирование ее принципов выглядит уже довольно странным.)

²¹ Идеализм позитивистов – в тех случаях, когда он имел место – окзывался лишь внешней привеской к позитивизму, ибо признание закономерности мира уже есть начало движения к материализму. Не случайно классики марксизма рассматривали даже объективный идеализм Гегеля как материализм, поставленный на голову, и поэтому считали возможным преобразовать его идеалистические концепции, в особенности в области теории истории, в материалистическую форму. Потенциал тако-

го преобразования кроется и в историософских концепциях субъективного идеализма, но в этом случае задача материалистического истолкования его принципов или наблюдений становится одновременно и проще, и сложнее. Его легче критиковать, чем объективный (абсолютный) идеализм, в вопросе о сущности законов истории, так как с субъективно-идеалистической точки зрения невозможно объяснить, почему научное познание неизбежно выражается в форме установления законов: ни «удобства», ни «договор» (конвенционализм) ничего не объясняют, так как нельзя ответить на вопрос, почему формулирование знаний в виде законов «удобнее» (например, в плане упорядочения фактов), чем иные подходы (для ответа на эти вопросы надо знать устройство мозга и способы мышления, а все это до сих пор далеко от точного научного знания), или почему ученые между собой договорились о признании именно таких, а не иных законов (эти чисто психологические, притом вненаучные утверждения не могут служить основанием философской теории познания). Но, с другой стороны, часто труднее рационально осмыслить в научной форме конкретные наблюдения, сделанные субъективными идеалистами в отношении вопросов истории, касающихся роли человека как субъекта исторического процесса (хотя уже не единственного в этой роли со времени появления машин и тем более сложнейших технических систем типа роботов, обладающих собственным информационным обеспечением в виде компьютеров).

²² Промежуточным теоретическим «этажом» в метатеоретическом пространстве между общей теорией истории и философией служит кибернетика, которую можно рассматривать не только как особую науку широкого характера и междисциплинарную методологию научных исследований, но также как плюридисциплинарную философию, охватывающую не одну, а несколько областей научного познания, в отличие от унидисциплинарных философий, таких, скажем, как философия физики, лингвистики, биологии и т. п. (*см. об этом подробнее в Части II*).

²³ Марксизм с самого начала поставил перед собой задачу создания научной философии. Это – верная цель, если под ней понимать обоснование философии научными понятиями. Но она ошибочна, если стремиться превратить философию в науку (что эксплицитно выражено, например, в термине «философские науки», принятом в классификации наук в Советском Союзе и сохранившемся в современной России), так как это *contraditio in adjecto*. Философия и наука – в принципе различные способы познания, так как в философии имеется только теоретический корпус, но отсутствует эмпирический корпус, в отличие от науки, статус которой требует оба корпуса. В силу этого в философии, в отличие от науки, нет процедуры, которая бы связывала теории с фактами и позволяла – путем вывода из теории следствий эмпирического характера – удостовериться сенсорно в существовании таких следствий в виде ожидаемых фактов, которые, как бы ни были они «теоретически нагружены» (согласно широко принятому в современной философии науки выражению), все же всегда обладают свойствами, доступными восприятию органами чувств путем прямого или опосредованного инструментами

наблюдения и потому существенно независимыми ни от какой философской или научной теории (см. об этом также ниже, а подробнее в Части II). Эмпирические свойства отличаются этим от сущности явлений, проявляющейся в их теоретических чертах (т. е. необходимых каузальных связей между ними), которые **в принципе ненаблюдаемы**. Поэтому даже самая совершенная материалистическая философия, использующая наиболее передовые достижения науки, не может сама по себе служить доказательством верности основанной на ее принципах теории истории. Для научного обоснования теоретическая наука об историческом процессе (историология: см. примечание 35) должна быть достаточно тесно связана с историографией как эмпирической наукой о том же процессе, чтобы благодаря этому не только проверять свои теоретические положения их соответствием фактам и служить основой для разработки методологии исторических исследований, но и, более того, иметь практическое значение, выражающееся, как и у всякой науки, в допускающих проверку предсказаниях эмпирического характера (в частности, будущего хода истории). Именно на это должна претендовать научная историология, если она стремится стать в один ряд с другими науками, особенно с науками о природе. (См. также примечание 32.)

²⁴ Мы надеемся в не слишком отдаленном будущем написать статью с достаточно полным анализом достоинств и недостатков исторического материализма, рассматриваемых с позиций кибернетической историософии.

²⁵ Разработка научной теории истории, по нашему мнению, невозможна без учета, прежде всего, принципов кибернетики, выдвигание которых в свою очередь потребовало (в качестве предварительного условия) прогресса во многих науках, в том числе в теории информации и технической теории управления сервомеханизмами, т. е. сложными машинами в виде автоматических систем.

²⁶ Между прочим, Маркс подходил к вопросу о значении знаний в обществе вовсе не так односторонне, как это характерно для истмата, по крайней мере, классического советского периода, хотя, конечно, его учение о сравнительной роли идеального и материального в истории содержит ряд глубоких внутренних противоречий, которые, однако, при этом не тривиальны, а крайне интересны и потому поучительны.

²⁷ Достаточно вспомнить запрет, наложенный в Советском Союзе в течение десятилетия (с 1948 по 1957 гг. включительно) на публикации не только по генетике, но и кибернетике (что казалось странным даже с идеологических позиций марксизма) как «буржуазные лженауки». Нет сомнения, что эта политика в области науки также явилась серьезным тормозом, помешавшим дальнейшему углублению принципов исторического материализма на современном этапе развития фундаментальных наук о природе и связанных с ними технических дисциплин и междисциплинарных подходов (методологий научного исследования).

²⁸ Это не значит, что, например, советские (да и другие марксистские) философы не внесли в истмат много новых интересных наблюдений и обобщений, все богатство которых, безусловно, необходимо ис-

пользовать при разработке научной теории истории.

²⁹ Ограничение возможности преобразования историософии в научную теорию относится, как отмечено, и к материалистической философии истории, не говоря об идеалистической историософии, которая неизбежно игнорирует важнейшие достижения современной науки и поэтому не может привести к созданию научной теории истории даже в том случае, если она исходит из принципов объективного идеализма, признавая реальность исторического процесса и познаваемость его закономерностей. Что же касается историософских учений, основанных на субъективном идеализме, то им тем более закрыт путь к превращению в научную теорию. Это однако не означает, что субъективно-идеалистические работы не содержат немало полезных соображений (особенно в отношении активной роли идей в истории и человека как ее субъекта), которые – при соответствующей реинтерпретации – могли бы быть инкорпорированы в научную теорию истории.

³⁰ Исключение составляет лишь история философии в той мере, в какой она является отраслью историографии как эмпирической науки.

³¹ Приведенные характеристики философии в ее сопоставлении с наукой ни в коем случае не означают негативного отношения к философскому методу познания и созданным на его основе философским дисциплинам. Напротив, эта форма познания не только предшествует научной, но и неизбежно сопутствует ей в качестве метода разработки теории, необходимого в начальной фазе на каждом новом шаге (или витке) развития теории в любой науке.

³² Способность истории к научным предсказаниям можно понимать и в менее масштабном смысле, а именно, как предсказание еще не обнаруженных – из-за отсутствия в прошлом необходимой для этого теории истории и соответствующей методологии – сторон исторического процесса (такой подход – как один из возможных – к пониманию предсказательной силы истории предлагает *Н. С. Розов. Теоретическая история – место в социальном познании, принципы и проблематика // Время мира, Вып. 1. 2000*). Однако этот способ проверки теории, вполне работоспособный в физике, представляется в истории менее эффективным, так как историки, будучи по своей природе всеядными, стремятся в любом случае как можно полнее восстановить по источникам сколько-нибудь важные факты (об их существенности, если не об их истинном значении, можно судить на основании опыта изучения истории и даже просто здравого смысла) при описании прошлого состояния обществ и имевших место событий. Кроме того, это «предсказание» касается только прошлого, то есть уже свершившегося, а не будущего, а потому может оказаться результатом намеренной подгонки теории к фактам (аналогичной подгонке фактов к теории), что далеко не то же самое, что улучшение теории путем ее исправления в соответствии с конкретикой (этот сложный вопрос о связи между теорией и эмпирией нет возможности подробно развить в данной статье, но он рассмотрен несколько полнее в Части II). А самую надежную верификацию теории, описывающей не статику (как в физике), а динамику (эволюцию) общества, какой является исторический процесс, представляет собой правильный прогноз будущего. (*См. также примечание 23.*)

³³ Связь науки и современной техники, преимущественно машинной (включая соответствующую технологию), и влияние эволюции этого тандема или комплекса (называемой научно-технической революцией) на развитие современного общества является лишь частным случаем и наиболее ярким современным примером роли познания и его материализации (особенно в форме техники), роли, которая, однако, характеризует развитие общества не только в новое время, но и в течение всей его истории со времени возникновения социума как особой управляемой системы более 2,5 млн лет тому назад. **Это и есть основной закон или, образно говоря, колесо истории, которое вертится в два (полу)оборота: сначала возникают новые знания (идеи), а затем они воплощаются в материальные формы (прежде всего техники).** Но из этого следует, что с материалистической точки зрения неверно или, скорее, неточно, утверждать, как это делают многие марксисты, будто бы наука вообще (т. е. вся в целом) превратилась в «непосредственную производительную силу общества». Это несомненно в отношении технологических (и производственно-организационных) знаний, являющихся практическими выводами из научных теоретических идей. Последние же сами по себе не являются производительной силой: для этого они должны или предварительно материализоваться – как правило, через посредство технических дисциплин – в технику (орудия труда и иные средства производства), или вывести как свои следствия технологические знания, которые, однако, всегда опираются также на опытную проверку, и только такие знания можно считать непосредственной производительной силой общества или, точнее, неотъемлемой составной частью этих сил. Науку же в целом или, во всяком случае, ее сугубо теоретическую часть можно, вероятно, определить лишь как опосредованную (техникой), но не непосредственную производительную силу общества. Конечно, разграничение теоретических и технических (технологических) наук является не абсолютным, а лишь относительным, ибо они не разделены китайской стеной. Все же кибернетика указывает на существенное отличие знаний, которые прямо и непосредственно участвуют в осуществлении материальных процессов (прежде всего производства) путем управления ими – и поэтому обязательно приобретают также форму команд, – от знаний, имеющих более отдаленную и поэтому лишь косвенную связь с этими процессами (как это характерно, в частности, для так называемых чистых наук, подобных теоретической физике, химии и т. п.). Это отличие тем более очевидно для знания, уже воплощенного в технике, или «артефактах» (искусственных вещах), так как оно перестало быть информацией, превратившись в особый, телесный род материи, отличной от косной материи по своему происхождению (киберногенному) и поэтому также по своим наиболее существенным свойствам.

³⁴ Следовательно, полный возраст историографии как описания истории фактически совпадает с возрастом науки вообще, что делает тем более странным и требует объяснения все еще недостаточной научности исторической дисциплины. Нет сомнения, что самой фундаментальной причиной такого положения является высочайшая сложность общества

как управляемой системы и, соответственно, его эволюции, т. е. истории, в отличие от более простой эволюции косной материи (но эта проблема слишком сложна для обсуждения в данной работе).

³⁵ Так как слово «история» имеет, по крайней мере, двойной смысл, обозначая не только реальный исторический процесс, но и дисциплину, которая дает описание этого процесса и его объяснение на теоретическом (микро)уровне, то разумнее было бы употреблять разные термины для этих двух значений, называя классическую историю как научную дисциплину историографией, т. е. историописанием. С другой стороны, в древнегреческом «история» означает скорее рассказ, описание, сведения, мнения и даже исследование, изыскание, знание, чем объект описания и исследования. Этот факт, как и традиция применения термина «история», создает проблему при использовании этого термина только для обозначения исторической реальности, несмотря на то, что близкое по корню слово «исторема» имеет смысл не только рассказа или повествования, но и предмета рассмотрения (*Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 1. С. 839*). Мы используем термины «историография» и «история» как взаимозаменяемые в контексте, который не оставляет сомнения, что второй термин обозначает историческую дисциплину (а не исторический процесс). Историческую науку удобнее разделить на две основные дисциплины (не считая целой свиты вспомогательных исторических наук, начиная с археологии и кончая палеоантропологией, которая находится на стыке биологических и социальных наук): обычную историю, или **историографию**, и теоретическую историю, или **историологию** – термин, узаконенный в русской философско-исторической традиции известным историком Н. И. Кареевым в книге: *Историология (теория исторического процесса)*. Петроград, 1915.

³⁶ Это не в меньшей мере касается социологии, понимаемой в основном как теория статики (структур и функций) общества, преимущественно, если не только, современного, и многих других наук об обществе (преимущественно гуманитарных), которые, в отличие, например, от экономической науки и языкознания, все еще весьма далеки от достаточно широкого и строго научного теоретического осмысления своей области исследования и которым, по мнению автора, только общие принципы кибернетики способны содействовать в деле формирования собственного теоретического корпуса (которого им, как и историографии, так недостает) и тем самым преобразования их в полноценные научные дисциплины.

³⁷ Мы имеем в виду, прежде всего, три его книги о кибернетике: *Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине* (1-е изд. 1948, рус. пер. 2-го изд. 1968); *Кибернетика и общество* (1-е изд. 1950, 2-е изд. 1954, рус. пер. 2-го изд., 1960); *Творец и робот* (1964, рус. пер. 1966), а также его автобиографическую книгу: *Я – математик* (1956, рус. пер. 1964), дополняющую первые три, и ряд статей, докладов и интервью, посвященных идеям кибернетики (подробнее об этом в Части II).

³⁸ «Общество вообще» можно трактовать как самое обобщенное понятие явления, называемого обществом (или социумом), в рамках клас-

сификации различных коннотаций (смыслов) термина «общество», предложенной Ю. И. Семеновым (*Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // ФиО. 1997. №1. С. 160–161; см также: Философия истории. М. 1999. § 1. 2. 6 Четвертое значение слова «общество» – общество вообще. С. 22*). Но в отличие от этого историософа, не признающего возможности теории истории «общества вообще», я вижу необходимость именно такого подхода, который можно назвать теорией «истории вообще» и который представляет собой наиболее общий и самый абстрактный уровень теоретизации исторического процесса, понимаемого как развитие (эволюция) феномена общества как такового. В сущности, подобный подход лежит в основе теоретического ядра исторического материализма, касающегося фундаментальной структуры общества (теория производительных сил, базиса и надстройки) и формулирующего законы изменения этой структуры в историческом процессе. Такого же мнения придерживаются и некоторые марксисты. Так, И. А. Гобозов пишет: «Философия истории изучает общество как некий универсальный объект с универсальными характеристиками... Философ истории имеет дело с обществом вообще...» (*И. А. Гобозов, цит. соч., с. 35*). В этой связи стоит заметить, что марксистская концепция пяти формаций является уже конкретизацией истмата как общей теории истории. Это, в частности, означает, что возможная ошибочность так называемой пятичленки, на чем давно настаивают многие марксисты – историки и философы, – сама по себе не опровергает принципов исторического материализма и его трактовки сущности истории общества, взятой в целом. (Это тем более верно, что, как известно, у Маркса есть и укрупненная трехчленная периодизация истории, которая гораздо больше соответствует фактам истории). Чтобы опровергнуть – или, наоборот, развить – научный подход к истории, сформулированный в истмате, нужно или доказать ошибочность основных философских принципов, на которых он основан, или же выявить неверность (скорее, неточность) некоторых из них и указать на исправления, необходимые для дальнейшего совершенствования материалистической философии истории. Автор настоящей статьи в философском плане ставит перед собой, в сущности, именно эту последнюю задачу.

³⁹ Хотя подход к кибернетической теории общества и истории с позиций философии всегда был одним из вопросов, обращавших на себя внимание автора, однако самые широкие философские обобщения, вытекающие из кибернетики, стали для него предметом серьезного исследования преимущественно в последние годы (особенно с 1998 г.). До этого задача разработки теории общества и истории выглядела для автора, по профессии в первую очередь историка (и историолога, т. е. историка-теоретика), прежде всего не как философская, а как научная проблема, которая требовала ответить на естественные вопросы: какие явления в обществе играют определяющую роль, а какие выступают в роли определяемых. Так как в этой области мы встречаемся лишь с двумя широкими социетальными (т. е. существующими только в социуме) явлениями, или факторами, а именно: во-первых, с разнообразными социе-

тальными формами эмпирического и теоретического знания, познания, сознания (или с психологией, преимущественно человека, включающей не только чувственное познание и интеллект, но и эмоции, в том числе волю), которые, рассматриваемые как духовная продукция общества, составляют то, что в марксистской теории называется **духовной культурой** (ошибочно отождествляемой некоторыми марксистами с надстройкой, включая в последнюю также соответствующие организации); и, во-вторых, с материальными вещами (и процессами), образующими в совокупности, согласно марксистской социологической терминологии, **материальную культуру** (столь же ошибочно нередко отождествляемую с производительными силами и базисом), то главный вопрос теории общества сводится лишь к решению общей задачи определить, какое из этих двух больших (укрупненных) явлений в обществе первично и какое вторично с точки зрения необходимых каузальных связей, рассматриваемых в статическом (в том числе в функциональном) и динамическом (эволюционно-историческом) аспектах. Этими конкретными (несмотря на всю абстрактность их характера) проблемами автор и занимался многие годы, используя и развивая идеи кибернетики, с тем, чтобы преобразовать их в такой вид, при котором они могли бы служить инструментом исследования общества и, что особенно трудно, его эволюционных преобразований в ходе исторического процесса. Не интересовался автор тогда и абстрактной постановкой вопроса о том, что следует называть законами истории, так как и этот вопрос (весьма сложный и неоднозначный, как показывают современные исследования теоретического познания, например В. С. Степина. *Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000*) является по своему характеру (по крайней мере, при современном, недостаточном развитии наук о мозге и его работе) все еще преимущественно философским и поэтому требует обращения к теории познания, составляющей специальную область философии. Но в конечном итоге оказалось, что философию – поскольку в первую очередь именно в ней ставится фундаментальный вопрос о сущности идеального вообще, а в частности, знания и процесса познания (прежде всего, в человеческих, но ныне также и в машинных формах) – невозможно обойти при решении столь общей и абстрактной проблемы, как смысл истории. Исходя из своего опыта, автор мог бы выразить эту мысль в старинной форме максимы: **историк должен раз и навсегда понять, что философии ему не избежать**. Это тем более относится к историологу, особенно такому, который, как автор данной работы, сосредоточился на самом абстрактном, наиболее общем из всех возможных уровней теории истории.

С такой точки зрения можно следующим образом подытожить опыт, накопленный автором за полвека в деле разработки кибернетической теории истории, рассматриваемой в ее связи с фундаментальными вопросами философии. Если под законами общества понимать необходимые каузальные связи в социетальной управляемой системе (значит, и в историческом процессе ее преобразований), то можно утверждать, что кибернетика позволяет дать материалистический ответ на вопрос о природе общественных закономерностей, но с той существенной оговоркой,

что этот ответ – с философской точки зрения – оказывается значительно сложнее чрезмерно прямолинейного утверждения классической марксистской философии и исторического материализма, что материя первична, а сознание (вообще идеальное) вторично. Сложность кибернетического, в самой глубокой своей основе тоже материалистического решения основного вопроса философии, рассматриваемого в приложении его к теории общества и истории, сводится к нескольким существенным аспектам. Хотя материальное каузально первично также и в обществе (что выражается – но лишь **в конечном счете** – в определяющем значении для социума борьбы с физическим явлением энтропии и поэтому в использовании законов материального мира для реализации этой борьбы), однако непосредственно не материальное, а идеальное является первопричиной всех изменений в обществе, той активной силой, которая порождает и направляет его эволюцию, как это имеет место и во всех иных управляемых системах, в отличие от косной материи, которая ни в какой мере не одушевлена (ленинское утверждение о всеобщности свойства отражения в качестве явления, будто бы родственного ощущению, ошибочно, если его понимать в прямом смысле, хотя возможно менее дословное его толкование, как показано в Части II): самостоятельные изменения такой материи, т.е. изменения, не вызванные воздействием со стороны общества или же биоорганизмов, определяются присущими ей творческими потенциями, никак, однако, не связанными с идеальным фактором, которого она лишена, чем и определяется более низкий уровень способности косной материи к антиэнтропическим преобразованиям самой себя. Поэтому идеальное представляется своего рода мотором истории, решающей силой, приводящей в движение исторический процесс как прогресс (антиэнтропическое развитие) общества, Это, правда, верно лишь с важными ограничениями и уточнениями. Во-первых, идеальное не может произвольно определять цели (особенно конечную задачу), способы (или средства) и фундаментальные формы общественных изменений, не используя для этого познанных материальных закономерностей природы и общества и порождаемых ими ограничений. Во-вторых, без материализации сознание (вообще идеальное) не становится реальной силой истории. В-третьих, нужно различать формы идеального, или типов информации, существующих в обществе, которые по-разному – более прямо и непосредственно или же, наоборот, более отдаленно, окольно, опосредованно, косвенно – связаны каузально с материальными явлениями и в этом плане также между собой, образуя в итоге сложную иерархию взаимосвязанных уровней двойной по своей природе идеально-материальной причинности. В-четвертых – и это особенно важно, – каузальные связи в любой системе того класса систем, к которому относится общество, имеют, как вытекает из последнего замечания, не однонаправленный (т. е. не прямолинейный, но не в математическом смысле противопоставления друг другу линейности и нелинейности), а циркулярный (круговой, замкнутый) характер и поэтому образуют сложнейшую систему переплетающихся колец информационных (прямых и обратных, отрицательных и положительных) и материально-энергети-

ческих (телесных) связей, всегда в конечном итоге взаимных (что в кибернетике приводит к понятию самореферентности, т. е. к возможности влияния каждого явления также и на самое себя, быть причиной самого себя, именно в силу замкнутого характера каузальных связей). Вот почему вопрос о том, что же в обществе в причинно-следственных отношениях первично и что вторично, может получить только условный (точнее: обусловленный), относительный, а не абсолютно категоричский ответ, так как упрощенная и безусловная (безотносительная, т. е. не учитывающая уровней каузальности и их взаимоотношений в циркулярных петлях связей) постановка этой проблемы делает последнюю в принципе нерешаемой или же неверно сформулированной, что ведет к одностороннему и – в силу этого – ошибочному решению фундаментального для теории общества вопроса о взаимосвязи материального и идеального. Причем ошибку допускают не только идеалисты, отрывающие идеальное от материального и превращающие второе всегда и везде (во всех областях мира) в зависимое следствие первого, но и чересчур прямолинейные материалисты, какими, не говоря уж о представителях более примитивных форм материализма в прошлом, являются даже марксисты, так как разработанный ими материализм тоже не сумел объяснить в онтологическом плане активную роль идеального фактора, «отдав на откуп» (если использовать стандартное марксистское выражение) идеализму проблему активности идей, о чем в свое время выражал сожаление Маркс (см., например, высказывания А. Леви в кн.: *Ленин. ПСС. 4-е изд. Т. 14. С. 93*).

⁴⁰ Исходя из разумного соображения, что «чем больше знаешь о творческом пути автора, тем лучше поймешь его идеи» (*Л. Е. Гринин. Философия, социология и теория истории. 2-е изд. Волгоград: Учитель, 1998*; аналогичное мнение, на которое ссылается Л. Е. Гринин, высказывает М. Блок. *Апология истории. М.: Наука. 1973. С. 41*), в заключительном примечании приводятся краткие сведения о пути автора данной работы к общей теории истории. Эта работа (включая Часть II) отражает в крайне сжатой форме итог полувековых размышлений над смыслом истории. Поиск и последующая разработка научно обоснованной общей теории истории заняли у автора почти всю вторую половину XX в. Интерес к этой теме впервые возник у него в связи с теоретическими дискуссиями в начале 1950-х гг. о базисе и надстройке (а тем самым об историческом материализме в целом), в которые автор вовлекся еще в студенческие годы, когда в советском обществе широко обсуждались две последние работы Сталина: о языкознании и об экономических вопросах социализма. Пытаясь по окончании истфака МГУ (в 1952 г.) разрабатывать теоретические вопросы истории, автор первое время (до 1958 г.) исходил из принципов истмата, используя также идеи «Капитала» и других экономических, философских и исторических работ К. Маркса, и стремясь в первую очередь детальнее разработать наиболее простые понятия производительных сил и производственных отношений (но понимаемых только как технические, а не экономические, которые представляют собой фактически надпроизводственные связи), с тем чтобы построить общую

схему производства, которое представляет собой фундамент так называемого базиса. Главным камнем преткновения оказались, однако, вопросы о «надстройке», анализ которой требовал объяснения не только гносеологического смысла, но и онтологического значения идей (знания, сознания), их роли в жизни и развитии общества. Именно об этот «риф» разбивались все попытки автора разработать единую теорию общества и истории, исходя только из принятых марксистских концепций производительных сил (или производственной базы общества), базиса, надстройки, формаций и т. д., и на этой теоретической основе выяснить сущность общества и смысл (т. е. движущие силы и направление) истории как его эволюции (а в этой связи также разработать новую периодизацию истории). Этот путь завел автора в тупик. Из него удалось выбраться лишь благодаря кибернетике, которая давала возможность ответить на вопросы, связанные со значением знания, т. е. информации, в истории общества, а затем в более широком, философском плане решить самую фундаментальную проблему о месте вообще идеального в материальном мире. Как известно, с конца 1948 г. на кибернетику был наложен запрет, который был снят только в конце 1957 г. Уже в течение 1958 г. были опубликованы статьи и книги, разъяснявшие основные идеи кибернетики, в том числе первая работа Н. Винера на эту тему, вышедшая в русском переводе с десятилетним опозданием (хотя автор не может в знак благодарности не отметить, что начало его знакомству с кибернетикой положила книга русского кибернетика И. А. Полетаева, *Сигнал. О некоторых понятиях кибернетики. М.: Советское радио. 1958*). Эти идеи позволили сделать ряд принципиально важных для разработки научной теории общества (включая историю) выводов, без которых такая теория, по убеждению автора, вообще не может быть построена. Возможно, что, кроме необычайной сложности темы, запрет на кибернетику явился одной из причин затянувшихся попыток автора приспособить исторический материализм в качестве единственной основы теоретического осмысления общества и истории. Как выяснилось в дальнейшем благодаря использованию принципов кибернетики, корень неудачи заключался в несовершенстве марксистского материализма (прежде всего с точки зрения решения вопроса о сущности идеального), в силу чего оказалось невозможным применить истмат в том устаревшем для 2-й половины XX в. виде, в каком эта теория сложилась главным образом в работах марксистов Германии и России (включая советский период ее истории) во 2-й половине XIX и 1-й половине XX вв. Между прочим, отсталость истмата от современного уровня наук, по нашему мнению, является важнейшей причиной упадка его влияния на специалистов-историков и социологов, а также других исследователей в области социальных и гуманитарных наук – на постсоветском и, шире, на всем посткоммунистическом пространстве. Хотя следует заметить, что тот же круг идей марксизма в странах Запада в послевоенный период испытал прямо противоположную тенденцию в сторону роста его влияния в общественных науках, что связано в конечном итоге с глубоко научными корнями марксистской философии общественных явлений, в том числе истории, в

отличие от современной западной социальной философии и философии истории. Кибернетика позволяет устранить камень преткновения, о который споткнулся марксизм в своих попытках прямо и непосредственно применить общеполитические идеи материализма к объяснению сути общества как особого явления мира и его истории, взятой в целом, как специальной формы (и этапа) эволюции этого мира. Этим камнем преткновения всегда служил – и до сих пор является – в первую очередь именно вопрос об онтологическом статусе идеального в материальном мире и, в частности, в эволюции определенной его области (в которую, с точки зрения кибернетики, включаются биологические, а не только общественные явления, а кроме того, в рамках – и, более того, из рамок – последних постепенно выделяются сложные технические системы, представленные всей современной автоматической техникой: *подробнее об этом в Части II*). Правда, введение онтологии идеального требует пересмотра и познавательного аспекта, гносеологии его (о чем сравнительно детально говорится в Части II). Это означает, что материалистическая философия нуждается в коренном преобразовании, которое позволило бы определить сущность «идеального» в отличие от «материального» в плане не только гносеологии (как это делает марксизм, притом и в этом вопросе далеко не достаточно для современного уровня развития наук), но и онтологии, что требует, в свою очередь, существенно углубить и интерпретацию познавательной функции идеального. Что такое сознание и в чем заключается роль этого фактора в обществе? Или, еще шире, как это предлагает кибернетика: что такое информация в мире живых, социальных и технических систем? В чем состоит роль идей, функции знания (понимаемого в самом широком смысле слова, охватывая все формы: от генов до теорий физики и учений философии), или идеального в целом (если выразиться на философском языке), или же, наконец, информации (если пользоваться научной терминологией кибернетики) в мире управляемых систем, к которым кибернетика относит и общество? Если мы хотим понять в самом общем виде сущность общества и смысл его исторической эволюции, нам придется обратиться к философским соображениям и поставить кардинальный вопрос о том, в каком отношении находится идеальное к материальному, а в этой связи снова заняться вечным вопросом философии, что такое материальное (материя) и что такое идеальное, в частности, его социальные (до сих пор преимущественно человеческие) формы, представленные сознанием (познанием). На все эти вопросы мы отвечаем в Части II.